

Евгений Эрастов

АНФИСИНО СЧАСТЬЕ

Повесть

1

Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году в городе Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Доктор медицинских наук. Автор шести поэтических и четырех прозаических книг, а также многочисленных публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат многих литературных премий, в том числе им. А. Горького, им. М. Цветаевой, победитель ряда международных поэтических конкурсов. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

Анфиса Чистякова семнадцать лет проторчала в маленьком городишке Пойме, где обитало не более десяти тысяч человек, и все эти годы только и грезила о том, как бы поскорее вырваться из наскучившего ей городка. А между тем Пойма — вовсе не последний город в России: там и природные красоты неопишуемые в виде необозримых живописных озер, соединенных протоками с ключевой водой, и старинный монастырь на острове, и известное на всю страну предприятие по изготовлению складных ножей.

Не все интеллектуалы знают, однако, что именно в этом крошечном городишке изготавливались подарочные ножи для наших всемогущих и всемудрых вождей, начиная с самого товарища Сталина, а также великое множество всяких колющих и режущих приспособлений для всевозможных военных и штатских профессий. Однако что такого уж ценного может быть в этом для подрастающей девушки, особенно девушки красивой и привлекательной, именно красоту и привлекательность считающей главным своим достоинством? Скучно было Анфисе в родном городе, не

встретало ей той самой движухи и быстрой смены кадров, которые мелькали по черно-белому тогда еще телевизору.

Папа ее, подвизающийся начальником цеха на медико-инструментальном заводе, был человеком грубым и даже циничным. Не испытывал он особых чувств ни к жене, ни единственной дочке. Как многие холодные люди, обожал он только свою собаку Лайну, старую и худую шотландскую овчарку с постоянно вылезавшей шерстью, которая была ему дороже всех существ на свете, и видел в ней (а скорее, хотел видеть!) какой-то недожизненный ум и даже чуть ли не особенные душевные качества. Анфиса ненавидела жестокого и тупого отца, который периодически впадал в запой, и больше всего боялась, что в зрелые годы тоже превратится в убогую недоумка и станет вылизывать грязную, пахнущую мочой и испражнениями отвратительную овчарку. Она мечтала жить в квартире, не омрачаемой собачьим лаем, и спать на подушке без прилипшей к ней собачьей шерсти.

Мама Анфисы, медсестра урологического отделения районной больницы, была жалким, бессловесным существом и, похоже, тоже не любила свою дочь. Она почти каждый день ездила на работу в город Павлово, в выходные занималась бытом, садом и огородом, а в редкие минуты отдыха вязала бесконечные кофточки и шарфики и переключала при помощи плоскогубцев каналы старенького черно-белого телевизора.

Героиня наша (и возможно, не без оснований!) считала себя несколько ярче своих родителей, и были у нее далеко идущие планы и намерения. Возможно, отец был прав, когда напоминал ей, что она вовсе не его дочь, а настоящий производитель Анфисы — курчавый еврей Кипнис, который попал в районную больницу по распределению после окончания медицинского института.

Анфиса действительно чем-то напоминала еврейку — черненькая, волоокая, нос с горбинкой, но фигура у нее была явно не еврейская — маленькая грудь, ноги до ушей — фотомодель отдыхает. Не случайно в школе Анфису прозвали итальянкой. Хотя, как мы знаем, итальянки тоже разные бывают, и попадают среди них очень даже страшенькие. Ирка Котляревская, единственная подруга Анфисы, дочка инструктора райкома партии и директорши средней школы, завидовала Анфисиной привлекательности, но все равно дружила с ней, хотя на фоне яркой подруги выглядела серовато. Котляревская готовилась поступать на историко-филологический факультет и всячески старалась увлечь за собой и Анфису. «Ну куда мы с тобой еще пойдем? — внушала она подруге. — Математику-физику не понимаем, в медицинский институт конкурс совершенно нереальный. К тому же мы с тобой гуманитарии. Для женщины главное — удачно выйти замуж, а уж высшее образование для понта только, чтобы люди уважали».

Котляревская училась лучше Анфисы, но и наша героиня, несмотря на всю свою природную лень, в десятом классе училась неплохо, поскольку имела определенную цель, о которой мы писали чуть выше. Подруги воображали себя некоей элитой маленького городка, критически относились к учителям и своим сверстникам. Многие их недолюбливали, считали выскочками и гордячками, да только им самим чье-то мнение всегда было по барабану.

Новогодняя ночь на семьдесят девятый год была необычайно морозной. Во всяком случае, в жизни Ирки и Анфисы никогда таких чудовищных холодов не было. Морозы начались еще во второй половине декабря,

а в январе, как выяснилось потом, во всей Горьковской области вымерзли плодовые деревья. Подруги встречали последний год школьной жизни на квартире у Ирки, поскольку родители ее ушли в гости. Романтично, доверчиво и как-то очень по-праздничному искрилось на покрытом кружевной скатертью столе «Советское шампанское», разлитое в длинные высокие хрустальные фужеры, изготовленные еще в пятидесятые годы, и стол был сервирован так, что позавидовал бы каждый второй житель Поймы в те времена.

Когда кремлевский старец Леонид Ильич Брежнев шамкающим голосом с экрана телевизора начал поздравлять советский народ с Новым годом, Ирка протянула Анфисе мятый автобусный билетик с предложением его съесть, запивая шампанским. Съесть именно в тот торжественный момент, когда куранты на Спасской башне Кремля пробьют в двенадцатый раз. В это время надо было обязательно загадать тайное желание, которое в Новом году непременно должно было сбыться — ведь билет был счастливым! Номер этого билета — 336336 — она запомнила до конца жизни.

Желание у Анфисы было простое и самое что ни на есть реальное — она очень хотела поступить в университет. Желание сбылось. С того времени аккуратная девушка складывала счастливые билеты в резную деревянную лакированную шкатулочку с изображением церкви и надписью «Павлово» и каждый год съедала по билету.

Мы не знаем, какое желание загадала в эту ночь Ирка Котляревская, но билетик она тоже проглотила и в университет поступила вместе с Анфисой, и тоже на вожделенный истфил. С подругой Анфисе очень повезло, более чем повезло — поселились девчонки в отдельной комнате в большой четырехкомнатной сталинке в самом центре города, на улице Грузинской, где жила Иркина бабушка. Окна комнатки выходили в тихий и зеленый дворик, где играли в разноцветной дощатой шестиугольной песочнице дети и сидели на лавочках словоохотливые старушки в стоптанных тапочках. А главное достоинство этой квартиры для девочек заключалось в том, что до университета дойти от нее можно было за каких-нибудь пятнадцать минут.

Землячество — дело серьезное. До сих пор люди кучкуются по этому принципу, а тогда, в начале восьмидесятых, кучковались куда в большей степени, чем теперь. Потому-то и была Анфиса так привязана к Ирке. Подруга ездила в областной город по нескольку раз в месяц и, разумеется, он давно уже не был для нее чужим. Потому-то в этой паре, особенно на первых порах, ведущей была Котляревская, а Чистякова — ведомой.

2

В один из ясных, сухих, прозрачных и холодных дней золотой осени Ирина повела подругу в Дом культуры МВД — там находился известный в городе клуб самодеятельной песни. В восьмидесятые годы авторская песня уже вышла из моды, люди стали тоньше и образованней, потянулись к живописи, философии, серьезной литературе, однако любители гитарных перезвонов под рифмованные строки еще встречались, даже среди молодежи. В те времена самодеятельная песня объединяла не столько диссидентов и неформалов, сколько провинциальных романтиков, держащих фигу в кармане и всячески противостоящих нарастающему в советском обществе прагматизму и погоне за золотым тельцом.

Так произошло, что первое посещение этого клуба совпало с очередным концертом. В огромном, неуютном, обшарпанном помещении, чем-то напоминающем кинотеатр, на первых двух рядах сидело от силы двадцать человек. На сцену выходили с гитарами люди самого разного возраста. Анфисе было невероятно скучно, и она не могла дожидаться, когда же это представление закончится. Героиня наша никогда не училась в музыкальной школе, а музыку не любила и не понимала.

После концерта Ирка потащила ее за кулисы и стала знакомить с бардами. В маленькой комнатенке царил невероятный кавардак — грязные одноразовые белые тарелки, порожние бутылки, опрокинутый и разбитый цветочный горшок, перепачканный в земле, — весь этот творческий беспорядок сразу не понравился чистоплотной провинциалке.

Котляревская еще будучи десятиклассницей во время зимних каникул успела перезнакомиться с местными поэтами и бардами, чем невероятно гордилась. На круглом желтом пластмассовом столике с качающимися ножками каким-то сказочным образом неожиданно появились початая бутылка красного вина и одноразовые невесомые белые стаканчики. В комнате остались, кроме подруг, только два человека — Рамиль Тимербаев и Дима Самойлов.

Молодые люди очень не походили друг на друга. Мускулистый, одетый в темные джинсы и темно-синюю водолазку, Тимербаев напоминал скорее спортивного тренера, нежели человека, так или иначе приобщенного к искусству, даже такому демократическому, как бардовская песня. Зато на барда очень был похож Самойлов — худой, с патлами грязных волос, свисающих до плеч. Тимербаев сразу не понравился Анфисе — было в нем что-то показное, конъюнктурное. Гитарой он владел плохо — бил по струнам, как боксер по груше. Пел он про каких-то абстрактных и бездушных «разведчиков грядущего», которые жгут костры на опушках таежных лесов и прокладывают рельсы от Байкала до Тихого океана. В отличие от него, Самойлов был очень вкрадчив и тих. Сразу сказал, что только пробует писать песни, поэтому исполнит лучше то, что любят все, и высоким, простуженным, срывающимся детским голоском замаякал:

— Милая моя, солнышко лесное...

Анфиса не любила все эти завывания, и Самойлов был ей неприятен. Потом очередь дошла до Ирки, и она прочитала свой стишок, опубликованный еще в районной газете, — «Сломанная кукла». Стихотворение успеха не имело, и парни тактично промолчали.

— Теперь вы почитайте, — попросил Самойлов Анфису.

— Нет, — ответила девушка. — Я боюсь читать перед вами. Нигде не печаталась, и вообще я не поэт.

— Ну, тогда мы вас больше сюда не пустим, — засмеялся Тимербаев. — Не бойтесь, здесь не «Феникс», бить не будем.

Анфиса знала еще от Ирки, что в доме работников торговли размещается литературное объединение «Феникс», куда ходят очень серьезные и прямо-таки повернутые на поэзии люди.

Как ни пытались парни уговорить Анфису читать стихи, она не согласилась. Она понимала, что если чем-то и интересуется этих городских парней, то только не стихами. Бутылка была допита, и Тимербаев стал оказывать особое внимание Котляревской.

Ирка была не лыком шита. Сразу же заявила, что живет вместе с Анфисой у бабушки и старушка, должно быть, заждалась девчонок в своей квартирке. Тимербаев все понял с полуслова, засунул гитару в краси-

вый оранжевый футляр, обиженным движением резко застегнул молнию и, не попрощавшись, ретировался.

Романтичный и вялый Самойлов потащился провожать девушек до Грузинской, тем более что идти было совсем недалеко. По пути он рассказал им, что учится в медицинском институте и мечтает стать сосудистым хирургом, да только не знает, получится ли у него часами находиться в операционной. Что-то было в нем инфантильное и несовременное, вялое и аморфное, что не нравилось девушкам. Но Анфиса сразу же поняла, что именно ради нее, а не ради Ирки потащился он на Грузинскую.

На следующий день решено было посетить «Феникс».

— Никаких стихов мы там читать не будем, — предложила подруге Ирка. — Иначе нас эти поэты просто сожрут с потрохами. В «Фениксе» всегда интересно, и ходят туда умные парни из разных вузов. Только ни в коем случае не говори никому, что ты из Поймы. Они сами это узнают когда-нибудь.

Первое посещение этого литобъединения не произвело на Анфису особого впечатления. Иван Кириллович Крюков, руководитель студии, зависимый от алкоголя сморщенный старичок пролетарского происхождения, произносил общеизвестные, дежурные слова. Амбициозная молодежь, посещающая «Феникс», была Анфисе совсем не близка. Мальчики там сидели какие-то вычурные, манерные, немужественные, дежурно завывающие непонятные, нарочито усложненные стихи, в которых ничего нельзя было понять. Однако Ирка воспринимала это сборище иначе, и Анфиса начала захаживать туда вместе с подругой хотя бы просто потому, чтобы не быть одной.

Вся эта сценка закончилась мгновенно, когда в неказистой комнатке появился Игорь Королев. Игорь считался лучшим молодым поэтом города. Так это было или нет, Анфиса не понимала, но харизматичность и притягательность личности Игоря никто оспаривать бы не решился. Королев был невероятно артистичен. Ходил в самой модной одежде, был очень образован и общителен. С девушками слегка кокетничал и переигрывал — но это никого не раздражало. Словом, он заметно выделялся на фоне рифмующих мальчиков (взрослые мужчины, а тем более пенсионеры, изредка посещающие «Феникс», Анфису с Иркой не интересовали).

Особой гордостью Королева был его черный кожаный пиджак — вещь крайне дефицитная в начале восьмидесятых годов. Этот пиджак стал даже причиной раздора на Восьмом Всесоюзном совещании молодых писателей между Королевым и московским поэтом Валерием Николаевым. Последний, несмотря на то, что всеми провинциалами воспринимался как коренной москвич, поскольку не вылезал из издательства «Молодая гвардия» и расположенных при нем журнальчиков и альманахов, позиционировал себя как деревенщик. Николаев родом был из Московской области и после окончания областного пединститута некоторое время преподавал литературу в сельской школе. Подмосковный поэт воспринял кожаный пиджак Королева как некое пижонство, не имеющее ничего общего с сермяжной правдой русского народа, и потребовал от Игоря, чтобы тот немедленно снял его. Конфликт происходил на глазах у других молодых и не очень молодых, но все еще подающих надежды литераторов, которые не были равнодушны к этому мировоззренческому противостоянию и соответственно разделились на две группы — сторонников и противников дефицитного кожаного изделия. К сожалению, дело дошло до потасовки. Наш харизматичный герой и тут не подкачал — он был насто-

ним мачо. Рыхлый и неспортивный Николаев был быстро нокаутирован, что, однако, никак не отразилось на результатах совещания — и Королев, и его противник по более чем вольной борьбе были отмечены на высоком форуме — их рукописи рекомендовали к изданию. О таком успехе студийцы «Феникса» могли только мечтать.

Конечно, все не так просто было в жизни Игоря Королева. Он страдал тяжелой формой нейродермита и иногда в буквальном смысле слова всю ночь терся о стенки. Очень тяжело переживал самые незначительные жизненные неудачи и комплексовал из-за любой мелочи. Но была у него замечательная, редкая и весьма похвальная для мужчины черта — все свои болезни и недостатки он удивительно ловко скрывал и со стороны казался таким везунчиком. А везунчики всегда привлекают окружающих.

В глубине души Игорь был романтиком, однако и это свое качество научился скрывать. В дальнейшем Анфиса посещала «Феникс» исключительно ради Игоря. Самое интересное заключалось в том, что как поэт он ее совсем не интересовал. Она понимала, что если Королев и не станет крупным поэтом, он будет кем-то другим, если он и не напишет гениальные стихотворения, то обязательно сделает нечто такое, что произведет впечатление на всех без исключения. Анфису привлекала жизненная сила Игоря, его способность вникать во все стороны той или иной проблемы. Казалось, для него не было ничего невозможного. Ей очень хотелось, чтобы именно такой мужчина был с нею рядом — покупал бы ей модные и дорогие тряпки, делал бы за нее отвратительные и малопонятные контрольные работы по старославянскому языку и исторической грамматике, возил бы ее в интересные путешествия. А то, что он еще и поэт, — совсем даже не минус, а скорее плюс — быть поэтом престижно, за это платят деньги, издают красивые книги. Анфиса делала все для того, чтобы быть поближе к своему кумиру.

Королев давно уже выработал собственный стиль общения с женщинами. Он был галантен, всем раздавал комплименты, в меру приличные и эмоциональные, но ни одну девушку из своего окружения никогда не выделял, никому не оказывал предпочтения. Поэтическим девицам оставалось только гадать, кто есть дама его сердца, в то время как разгадка этого вопроса была проста до безумия — никакой такой дамы у Королева отродясь не бывало, и стихов о любви он почти не писал. Игорю нравилось быть в центре внимания, и общество молодых учениц его скорее радовало, чем раздражало. Однако было в нем что-то холодно-отстраненное. Возможно, это сама Эвтерпа поцеловала его однажды в губы, а он так и не отошел от ее холодного небесного поцелуя.

Анфиса стала писать стихи, и вовсе не по зову сердца. В том обществе, в которое она попала и которое считала элитарным, просто необходимо было иметь блокнотик со стихами. Это навсегда отрывало ее от покосившихся домишек родной Поймы. Точно так же необходимо было иметь входившие тогда в моду сапоги-чулки. Эти сапоги-чулки провинциальная девушка втридорога купила на рынке у черноглазой золотозубой назойливой цыганки, и, как ни странно, цыганка не обманула Анфису — сапоги были ненашенные, новые. Правда, оказались чуть маловаты — но что не сделаешь ради моды — приходилось терпеть. В моду тогда входили и черные ажурные колготки, которые хорошо смотрелись вместе с такими сапогами, и они тоже были у Анфисы. И несколько красивых кожаных сумочек висело у нее в шкафу, а на письменном столе, возле учебников, красовались и чешская косметика, и кремики разные — ну все, совсем все как у современной, уважающей себя девушки.

К двадцати годам Анфиса похорошела — похудела, выросла, лишилась ненавистных ей складок на бедрах и животе. К тому времени она успела съесть под бой Кремлевских курантов еще два счастливых автобусных билета, но главное и неутолимое желание ее — найти настоящую любовь — так и не сбылось. Она нравилась сама себе до безумия и считала себя невероятной красавицей. Но вот парадокс — чем более стильно, более красиво и богато одевалась наша героиня, тем больше и больше напоминала девицу из Поймы. Понятно, что Пойма не клеймо, а яркие и слегка пошловатые девушки нравятся всем мужчинам со средним уровнем тестостерона в крови. Однако она, по-видимому, была совсем не во вкусе Игоря, поскольку он почти не обращал на нее внимания.

Полное разочарование наступило в один из снежных февральских дней, когда на улице уже запахло весной. Игоря Королева и поэта Сашу Михайлова послали выступать в Семеновский район, в отдаленную библиотеку. Каждому из них бюро пропаганды художественной литературы — почившая в Бозе после распада Советского Союза писательская кормушка — выписало по две путевки, так что пятнадцать рублей на руки стихотворцу было обеспечено. Чистякова же в бюро пропаганды не котировалась — никто ее поэтом не считал и не мог считать.

Советские времена многие ругают и правильно делают: русские нищета и несправедливость в это время особенно ярко проявились. Но были, однако, в этот короткий период нашей истории и положительные моменты. Так, в это время никто не называл поэтами тех, кто не умел писать стихи, да и за свой счет ни один графоман не издавался — не допускали графоманов до печатного станка! Наша героиня, в отличие от настоящих графоманов, никогда поэтом себя не считала и плевать хотела на все это стихоплетство. Но ей нравился Игорь Королев, и она подсознательно хотела спрятаться за широкую спину этого делового (так ей тогда казалось!) и умного парня, хотела остаться жить в мегаполисе, а не возвращаться в вонючую Пойму, родить Королеву ребенка, а может быть, даже двоих детей, а самое главное — ничего не решать и ничего не делать самой. Она очень хорошо усвоила истину, которую часто повторяла все та же Котляревская: «Не бери в голову, бери в рот!» Именно мужики должны решать женские проблемы, они ведь сильные. А мы слабые. Мы должны лежать на диванчиках и отдыхать. Ну, иногда смотреться в зеркальце и подкрашивать губки.

Узнав, что бюро пропаганды отказывает ей в путевке, Анфиса устроила скандал Ивану Кирилловичу, кричала, что ее затирают, не дают возможности выступить перед народом, что она приехала из провинции и знает эту провинцию лучше, чем все эти городские маменькины сынки, и что ее стихи там нужнее, чем рифмовки этих пошлых модернистов. Добрый руководитель, всегда отличавшийся завидным пофигизмом, спокойно отвечал ей, что ничего не имеет против появления Анфисы в сельской библиотеке, да вот только финансами бюро пропаганды распоряжаться права не имеет. Конфликт, однако, быстро разрешился в сторону бесплатного участия Анфисы в мероприятии. Она была ужасно рада одному тому, что ее взяли на выступление, хотя в глубине души и грызло ее неприятное чувство, связанное с мыслью о том, что для Крюкова и для бюро пропаганды она человек второго сорта.

Оделась Анфиса как на вечеринку — натянула на ноги черные ажур-

ные колготки и сапоги-чулки, облучилась в полупрозрачное черное гипюровое платье, в котором очень мерзла в холодный февральский день в вонючем «пазике», подскакивающем на бесчисленных бесчеловечных умопомрачительных ухабах наших второстепенных дорог.

Само выступление не слишком понравилось девушке, несмотря на то, что зрители встречали ее куда более эмоционально, чем амбициозного Королева и совершенно не сценичного, шепелявого, не умеющего себя подать, хотя в то же время и очень талантливого Михайлова.

После выступления поэтов пригласили в небольшую комнатку, в центре которой возвышался с любовью сервированный стол.

Погоду в комнатке делала светловолосая длинноногая библиотечкашша Иванна, женщина не первой молодости, но удивительно красивая и ухоженная. Вторая библиотечкашша, пастозная и толстенькая Люся, держалась скромно, тихо сидела в уголочке и на внимание мужчин не претендовала.

Иванна почти сразу же объявила, что Люся скоро пойдет в детский сад забирать ребенка, в то время как она сама, конечно же, никуда не спешит, особенно когда их библиотека удостоилась чести встречать настоящих поэтов. Анфисе сразу не понравилось, что такой ровный в отношениях с женщинами Королев вдруг стал уделять особое внимание белокурой Иванне. Она попыталась с горя кокетничать с Михайловым, но тот, казалось, совсем не замечал ее шуток.

Михайлов был третий калач — он сразу смекнул, что Иванна уже выбрала Королева и ему остается только молча пить водку. То, что Сашу не заинтересовала толстая Люся, собирающаяся в детский сад, Анфиса хорошо понимала. Но почему он был полностью равнодушен к ней, Анфиса? Ведь он вовсе не такая звезда, как Королев. Тихий, интеллигентный, скорее бедно, нежели неряшливо одетый, Михайлов, казалось ей, должен быть счастлив, что рядом с ним сидит такое искрометное и модное сексуальное чудо, как Анфиса. Сорокалетняя Иванна ей по возрасту годилась в мамы, и самого Игоря Королева Иванна была старше на добрых десять лет. Почему же он тянулся именно к ней?

— Хотите, я вам покажу наши новые книги по краеведению? — хриплым и бухим голосом спросила Иванна у Игоря, резко, с неприятным шумом отодвинула стул, встала и чуть не свалилась на пол — настолько была пьяна.

— Конечно, — ответил Королев.

— Пойдемте в подвал.

Книги по краеведению они рассматривали примерно в течение часа. За это время Анфиса, казалось, трижды сошла с ума. Воображение рисовало перед ней жуткие и в то же время сладострастные картины. Ей захотелось как-то отомстить Королеву — его равнодушию и донжуанству, и она стала уже совсем неприлично приставать к тихому интеллигентному Михайлову.

Увидав ее неумелые девчоночьи попытки, толстая Люся сразу засобиралась за ребенком. Умный Михайлов выбрал беспроегрышную модель поведения — начал показывать Анфисе, что все ее приставания воспринимает как талантливую смешную игру, возможно, даже как пародию на Иванну.

Время шло, а Королев с Иванной так и не возвращались. И тут-то с Анфисой произошло то самое событие, которое ознаменовало начало ее интимной женской жизни. Вопреки ожиданиям читательниц (и особен-

но читателю!) произошло оно без всякого участия мужчины. Анфиса вдруг почувствовала знакомое чувство сладости в нижней части живота. Обычно это чувство накатывало и исчезало без всяких последствий. Но на этот раз все произошло иначе — перевозбужденная девушка резко сжала бедра и вдруг застонала от ранее не испытанного ей чувства удовольствия.

— Ты как себя чувствуешь? — деликатно поинтересовался Михайлов.

— Да нормально все... — прошептала еще не пришедшая в себя Анфиса. — Просто в живот чуть вступило.

— Сильно?

— Да нет, это женские дела. Пройдет.

Дела действительно были женские, но не те, о которых подумал Михайлов. Об этих ощущениях он и не догадывался. Во всяком случае, не догадывался о том, что их можно испытать, просто сильно сжав бедра. Впрочем, молодой поэт совсем не виноват в этом — времена стояли пуританские, и делиться такими ощущениями даже со знакомыми мужчинами женщины тогда не спешили. Ну, может быть, за очень редким исключением.

Когда Королев с Ивановой вернулись, наконец, из книгохранилища, и библиотечарша то и дело поправляла растрепанные волосы, Анфиса почувствовала себя опустошенной. Она подумала о том, что если бы не присутствие Королева в этой комнате, никакого специфического и такого яркого, неповторимого ощущения она бы явно не получила. Интересно, а испытала ли что Анна? И какие условия там, в этом книгохранилище, для получения подобных ощущений?

А вот у нее это получилось и без всякого участия Королева. Так почему же все женщины так носятся за мужиками, и нужны ли мужики вообще?

Именно тогда и родилось у Анфисы убеждение, что мужики нужны только для того, чтобы женщины могли рожать детей и чувствовать себя за Каменной Стеной. Последние два слова мы не случайно написали с заглавных букв. Каменная Стена была как раз той мифологемой, которую собиралась строить Анфиса всю жизнь при помощи, так сказать, постороннего «человеческого материала».

В этот знаменательный вечер под впечатлением от испытанных ощущений Анфиса Чистякова словно бы родилась во второй раз. Выпитая водка не слишком подействовала на крепкую нервную систему бойкой и здоровой провинциальной девчонки. Она вдруг увидела себя со стороны и удивилась своему унижительному положению. Зачем она поехала в эту заброшенную Богом и людьми деревню, за сто километров от города? Зачем купила за бешеные деньги эти моднючие сапоги-чулки? Неужели все это делалось только ради этого ничего не понимающего чурбана? Ведь что же такое получается? Рядом с ним молодая, красивая, привлекательная самка, которая живет в пешеходной доступности от его дома! А он пристает к старой накрашенной кукле в лесной Тмутаракани, чтобы один раз отыграть ее в убогом подвале среди изъеденных крысами книг, а затем навсегда уехать от убогой старухи в стареньком, скачущем на ухабах вонючем «пазике».

Обидно было еще и то, что даже такому безликому, никчемному Михайлову она оказалась не интересна. Да пошел он тогда на хрен, весь этот их «Феникс»!

С этого дня Чистякова перестала писать стихи.

Дима Самойлов был чуть ли не полной противоположностью Игоря Королева. Почему так получилось, что, вычеркнув Игоря из своей жизни, Анфиса настойчиво стала думать об этом несовременном, рыхлом и неделовом парне? Если рассуждать объективно, то ничего плохого в Димке-то и не было. Но был он похож на какой-то вялый, недоваренный пельмень, а точнее, на порвавшуюся шкурку пельменя из рыхлого дешевого теста, из которого вывалилось недоваренное мясо. Однако у Самойлова было одно неоспоримое достоинство — верность. Он постоянно провожал Анфису до дома Иркиной бабушки, несколько раз даже заходил в гости. Оказалось, что вышеупомянутая бабушка была дальней родственницей Димки и хорошо знала его маму, Изольду Яковлевну, работавшую врачом-ревматологом в центральной клинической больнице областного города. То, что Дима собирался стать сосудистым хирургом, вызывало у Анфисы некоторое недоумение. Хирург существовал в ее девичьем воображении в образе сильного, мужественного самца, способного на поступок. Уверенная походка, голая волосатая грудь, закатанные рукава голубого хирургического халата, руки в кровавых перчатках. А Самойлов, казалось, ни на что не был способен.

Иркина бабушка, Калерия Петровна, постоянно хвалила Диму и по старорежимному называла его Анфисиним кавалером. Саму же Чистякову это только раздражало, потому что она поначалу никак не связывала свое будущее с Самойловым.

Анфиса изнемогала от одиночества и невестребованности. И однажды решила, что на безрыбье и рак рыба и что если не нашлось в этом большом городе никого, кроме хилого и занудного Самойлова, кто бы мог оценить ее красоту и совершенство, то пусть уж лучше будет Самойлов, чем вообще никто. В этом заключалось какое-то странное, непонятное никому со стороны явление. Молодая, красивая, сексапильная двадцатилетняя Анфиса до сих пор еще была девушкой, о чем никто даже не догадывался. Какие-то невзрачные, серенькие мышки с историко-филологического факультета давно уже встречались с парнями, шуршали серебряистой конфетной фольгой в темных кинотеатрах, занимались безудержной постоянной любовью на скрипучих панцирных сетках общежитских кроватей, а вот Анфиса Чистякова так и пребывала в полном одиночестве. Чтобы хоть как-то себя успокоить, она вдруг решила, что причиной ее невестребованности как раз и является ее необычайная красота. Она прочитала где-то, что мужчины боятся вступать в отношения с яркими красавицами, подсознательно опасаясь возможных измен.

Неудачи Анфисы на любовном поприще имели, однако, куда более прозаическую основу — городские мальчики видели в ней примитивную, определенную чувуху из Поймы, у которой вовсе нет и не было каких-либо особых достоинств. Те же достоинства анатомического строения, которые привлекают мужчин в женщинах, имелись и у других девушек, в том числе и более развитых в интеллектуальном плане. А поскольку сама Анфиса нас сейчас не слышит, то можно сказать, что мальчики-то, по сути дела, были правы.

Димочка Самойлов, возможно, думал иначе. А точнее, он вообще никак не думал. Слова о призвании стать хирургом были для него, как казалось тогда Анфисе, только красивыми словами — в медицинский

институт его устроила мама, найдя знакомых в приемной комиссии. Дима был весьма развитым мальчиком, постоянно читал книжки, сочинял примитивные песенки, вяло брэнчал на шестиструнной гитаре, но учился крайне плохо. Трижды пересдавал он анатомию и биохимию и ни к одной сессии за все годы учебы в медицинском институте не подошел вовремя.

То, что Анфиса оказалась девушкой, не произвело на него никакого особого впечатления. Казалось, он этого даже не заметил, а главное, совсем не оценил. Во всяком случае, он совсем даже не впечатлился от близости с такой неземной красавицей.

Странно, но такой вроде бы эмоциональный парень, с художественными задатками, сочинитель песен, был очень скуп на ласковые слова. Напрасно пыталась Анфиса во время близости с ним резко сжимать бедра, чтобы испытать такое же удовольствие как тогда, в Семеновском районе. Ничего у нее не получилось.

Анфиса проплакала всю ночь, а на другой день поделилась с подругой своими переживаниями.

— Ничего страшного, — отвечала Ирка. — Ты еще не привыкла к нему. Первый блин — комом. Все еще хорошо будет.

— Да ничего не будет хорошего! — жаловалась в ответ Анфиса. — Постоянно только говорит о себе и о прочитанных книжках.

— Так это же просто здорово! — успокаивала подругу Ирка. — Читает книги. Не пьет, не курит. Будущий хирург. Тебе кто нужен, какой-нибудь алкаш из Поймы?

— Да при чем тут Пойма, Ира? Пусть из Поймы, это не главное. Лишь бы человек был, а не рыба вяленая.

Узнав о неожиданной беременности, Димочка предоставил Анфисе полную свободу для дальнейших действий. Девушка заявила о том, что собирается рожать ребенка.

«Правильное решение», — спокойно ответил парень. Анфиса смело пошла в атаку и резко поставила вопрос о том, что не хотела бы рожать вне брака. И вновь Самойлов не возражал. Его мама, Изольда Яковлевна, встретила девушку доброжелательно и, казалось, была очень рада тому, что произошло. Поселилась Анфиса в квартире мужа на улице Ванеева, в небольшой хрущевке со смежными комнатами и совмещенным санузлом. Супругам отвели маленькую комнатку-закуток, но это обстоятельство совершенно не расстроило Анфису — в те времена такие условия считались шикарными.

Отношения с Ирккой, однако, с тех пор испортились. Странное дело! Казалось бы, подруга всячески способствовала связи Анфисы с Самойловым, постоянно твердила о его бесспорных положительных качествах, но как только молодые люди оформили свои отношения, она почти перестала общаться с ней. Ирке, возможно, показалось, что Чистякова обогнала ее в жизненном марафоне и что это не слишком справедливо. Ведь именно она и познакомила ее с Самойловым, именно она и научила ее жевать и глотать счастливые автобусные билеты в новогоднюю ночь! Но пусть лучше такие ученые люди как Фрейд, Адлер, Фромм и Юнг и копаются в ее незрелой девичьей психологии и вскрывают пойминские комплексы. Мы знаем только одно — с тех пор как Анфиса с небольшим рюкзачком, набитым вещами, покинула квартиру Иркиной бабушки Калерии Петровны на улице Грузинской, больше она уже там не появлялась.

Сначала Анфисе нравилось жить у Самойлова — все хозяйственные дела вела Изольда Яковлевна. Тихая, спокойная, интеллигентная, она успевала и работать, и готовить, и стирать белье. Разве только полы в квартире не мыла — раз в неделю, по субботам, к ним приходила толстая и пастозная уборщица Лена, которая хранила в кладовке квартиры Самойловых темно-синий дырявый халат, полиуретановые тапочки и чистящие средства. Однако если бабушка Котляревской предоставляла девочкам полную свободу на кухне, то здесь хозяйничала исключительно Изольда Яковлевна. В принципе, в этом не было ничего удивительного — это была ее квартира, она прекрасно знала, где всегда лежат спички, ложки и мясорубка и не допускала даже намека на беспорядок.

Через месяц-полтора Анфиса почувствовала себя каким-то лабораторным животным, которому подают еду в одно и то же время. Однажды Изольда Яковлевна достаточно резко отчитала ее, увидев на тумбочке выпитую бутылку пива — ну разве можно такое беременной женщине! Отчитала сурово, но вполне уважительно, не обижая девушку понапрасну. Анфиса же обиделась невероятно, но сдержалась, промолчала, однако с тех пор на вопросы Изольды Яковлевны отвечала всегда только односложно и скривив рот от отвращения.

С этого дня как будто черная кошка пробежала между двумя женщинами, и постепенно, как раковая опухоль, стала расти взаимная неприязнь, переродившаяся в ненависть. И почему иногда так возникает между людьми? Анфиса не была хамкой, и хоть и не проявляла никогда особого уважения к старшим, но и особого нетерпения тоже к людям не испытывала. Сыграла роль некая кастовость, принадлежность к разным социальным пластам. Изольду Яковлевну раздражало, что ее мальчик связался с глупой деревенской девкой, которая поступила на филологическое отделение вовсе не потому, что любит литературу, а потому, что полностью неспособна к точным и естественным наукам, а может только пересказывать плохо прочитанные тексты. Раздражало и то, что эта девочка совершенно ничего не соображает в жизни, смотрит на мир как баран на новые ворота, что с ней нельзя ни о чем поговорить, ничем поделиться, а больше всего, конечно, раздражало то, что она просто «не наша». Анфису же невероятно злило, что Изольда Яковлевна считает себя главной в их семье и полностью подчинила себе вялого безвольного сына.

Рождение Митяя (а сына Анфисы тоже решили назвать Дмитрием) немного разрядило обстановку. Самойлов оказался очень хорошим отцом — постоянно бегал в молочную кухню, гулял с ребенком, даже сконструировал детскую коляску из соседской сломанной. Но вот парадокс — чем внимательней был молодой отец к ребенку и к самой Анфисе, тем больше он раздражал ее. Правильность Самойлова доводила молодую женщину до безумия.

В первом дод жизни Митяя Изольда Яковлевна вела себя обычно и не слишком вмешивалась в дела смены памперсов, прививок и кормления. Но когда мальчик чуть подрос, она сразу же дала понять Анфисе, что та выполнила свою функцию и что теперь ребенком будет заниматься она. Поначалу Анфисе это даже понравилось. Она не обладала сильным материнским инстинктом и не слишком любила своего сынишку. По-видимому, сработала наследственная программа — ведь родители самой Анфисы тоже относились к ней довольно прохладно.

К этому времени Анфиса Анфиса совершенно разочаровалась в учебе. Литературу она не любила, книжки читала только для того, чтобы сдать экзамен. Уже на втором курсе убедилась, что для того чтобы получить тройку на экзамене, можно вообще ничего не делать. А больше тройки ей и не надо было — с тех пор, как она вышла замуж, стипендия была ей не нужна — она жила как при коммунизме, на полном обеспечении Изольды Яковлевны.

Экзамен по русской литературе сдавала смешному длинноносому карлику по фамилии Кацеленбоген. Звали профессора Яков Аронович, но студенты именовали его исключительно Воронычем — то ли потому, что именно так слышали его отчество, то ли за выраженную картавость. В билете был вопрос по «Братьям Карамазовым» Достоевского. Анфиса честно призналась, что роман этот не читала.

— Ну, хорошо, — прокартавил длинноносый Вороныч. — Давайте о каком-нибудь другом романе Достоевского поговорим. На ваш выбор.

— Мне очень стыдно, Яков Аронович, — ответила Анфиса. — Но я вообще никогда Достоевского не читала.

Вороныч изменился в лице изакаркала:

— Девушка, как я вам завидую! Как я вам завидую!

— Почему? — удивилась Анфиса.

— Вам предстоит прочитать всего Достоевского!

При этом он взял зачетку Чистяковой и поставил размашистое «удовл».

Либерализм истфиловских преподавателей и породил целое стадо деревенских анфис в сапогах-чулках и ажурных колготках, мечтающих о своих Каменных Стенах.

Человек так устроен, что всегда чем-то недоволен. Недовольна своей жизнью была и Анфиса, хотя ее мечта сбылась. Ведь в этот Новый год, слушая поздравления уже не умершего Брежнева, а безликого партийного аппаратчика, временно занимавшего пост главы государства, Анфиса Чистякова съела очередной счастливый автобусный билет совместно с загаданным желанием об обретении долгожданной Каменной Стены. Да, именно о Каменной Стене, а вовсе не о мужчине и тем более не о ребенке, мечтала она всю жизнь, пока неожиданно не обрела ее в лице... Изольды Яковлевны. И в этом заключалось какое-то изощренное издевательство, насмешка судьбы, потому что никак не могла представить себе наша героиня, что эта отвратительная, гадкая и наглая женщина будет добровольно обеспечивать ее благополучие и что сама она, такая молодая и красивая, согласится с этим!

Анфиса плохо знала саму себя. В момент рождения Митяя и первые два года его жизни ей казалось, что лучше подчиниться и быть зависимой от кого-либо, чем работать самой. Она часто вспоминала свою маму, встающую чуть свет и бегущую на автобусную остановку, чтобы не опоздать на переполненный «пазик». Автобусов было мало, и они ходили раз в час, не чаще. Так вот всю жизнь простоять на этой грязной остановке, где гнилые доски скамейки с лопнувшими пузырями от масляной краски завалены шелухой от семечек... Нет, никогда! Уважающий себя человек не должен много работать. Ей всегда казалось, что она никогда работать не будет, что у нее есть ангел-хранитель, который освободит ее от этого бессмысленного занятия. И вот этот ангел соорудил Каменную Стену.

В четыре часа дня Изольда Яковлевна обычно возвращалась с работы, и Анфиса сразу же уходила из дома. Со свекровью она давно не разго-

вирвала. Да и сама Изольда Яковлевна давно старалась не докучать ей излишними вопросами.

Анфиса успела полюбить тот город, в котором жила уже пятый год, — очень большой и в то же время безвылазно провинциальный, в котором, в сущности, жили такие же люди, как и в ее маленькой Пойме. Но если в Пойме нельзя было нормально погулять, чтобы не встретить знакомого, то здесь это было вполне возможно. Анфиса садилась в маршрутку и ехала на площадь Минина, гуляла по Кремлю, смотрела на заволжские дали. Ее академический отпуск в университете давно закончился, она вновь вернулась в четвертый курс, но на лекции не ходила. Студентка Чистякова даже не предполагала, что декан факультета, профессор Ермольева, давно лечилась у Изольды Яковлевны и потому, пока это было еще возможно, сквозь пальцы смотрела на все Анфисины прогулы. А когда это стало уже совсем невозможно по каким-то причинам, связанным с особенностями учебного процесса, свекровь перевела Анфису на вечернее отделение. Правда, для поступления на него необходима была справка с места работы. И тут тоже подсуежилась ушлая Изольда Яковлевна, записав Анфису санитаркой в свое отделение. Разумеется, работа была фиктивной.

На вечернем отделении учиться было проще — лекции были с шести до девяти часов вечера, да и то только по средам и пятницам. Но и теперь на них Анфиса почти не ходила. Однажды забрела в бар, находящийся в подвале на улице Пискунова. Там было тихо и уютно. Молодой и красивый бармен-среднеазиат стал настойчиво клеиться к ней. Девушке показалось забавным неуклюжее ухаживание парня. Оно внесло в ее однообразную жизнь какую-то экзотику и очень напомнило приключение. А в крови Анфисы явно не хватало адреналина и других гормонов и нейромедиаторов — сказывалась послеродовая перестройка.

Асомиддин очень быстро добился своего в маленькой комнатке за барной стойкой. Но он, конечно, и представить себе не мог, насколько равнодушна была Анфиса к нему как к мужчине и как к человеку. Лежа на узенькой банкетке, она, правда, пыталась сильно сжимать бедра, но и с Асомиддином не получила того, что получала одна, лежа на диване в полном одиночестве или в ванной, для усиления ощущений отвернув барашки смесителя до предела, чтобы из душа рвалась резкая, как стальная пружина, теплая струя упругой воды. Теперь она представляла себе Изольду Яковлевну, ее старую накрашенную рожу. Отдаваясь узбеку, она мстила свекрови за свое унижение. «Ты, сучка, — думала она, — решила превратить меня в домашнее животное. Да, я живу в твоей квартире, жру на твои деньги, ты дала мне возможность нигде не работать, а взамен отняла ребенка. Но, как ты видишь, я принадлежу себе, а не твоему вялому слизню. И живу я не только так, как ты хочешь, а как хочу я».

С того памятного вечера Анфиса стала часто захаживать в этот уютный бар. Асомиддин много рассказывал ей о себе, о своей семье, живущей в далеком городе Термезе. У него была жена, двое маленьких детей и четыре замужних сестры. Он говорил ей о том, что у них в Узбекистане девушки не хотят по барам в одиночестве. Он родился в маленьком городке Шерабаде, находящемся в шестидесяти километрах к северу от Термеза, окончил местный техникум общественного здоровья имени Ибн Сины, работал одно время фельдшером в больнице. Но за эту работу платили очень мало. А здесь он ишачил на стройке и только по вечерам подвизался в этом баре. А теперь Асомиддин очень скучал по своей семье и

мечтал поскорей возвратиться назад в Термез, когда заработает значительную сумму денег.

«На свою первую зарплату, — сказал он ей однажды, — я купил маленькую подержанную машинку с прогнившими порогами и договорился с водилой “Камаза”, чтобы тот перевез ее в Шерабад. Там живет мой любимый папа. Это подарок ему. Я хочу, чтобы он возил в этой машинке длинные дыни с нашей бахчи».

Анфиса вспомнила своего папу и подумала о том, что уже пять лет не видала его. Интересно, жив ли он? Жива ли его любимая Лайна? По-прежнему ли он соскребает сваленную собачью шерсть с одеял и наволочек? Почему ей никогда не хотелось ничего купить для своего папы? Почему ей никогда ничего не хотелось подарить ни папе, ни маме?

Асомиддин навел девушку на очень грустные мысли. Она шла пешком домой по улице Ванеева и, проходя мимо оперного театра, почему-то подумала о том, что и своей лучшей, казалось бы, подруге Ирке ей тоже никогда ничего не хотелось подарить.

Вернувшись домой, она первым делом позвонила в Пойму.

— Да! Алло! — завопил знакомый полупьяный голос на фоне напряженного собачьего лая.

Анфиса положила трубку.

6

Нам уже случалось удивляться тому, что несмотря на свою молодость и привлекательность, Анфиса Чистякова не пользовалась вниманием мужчин. Более того — даже пьяные грязные старики никогда не приставали к ней на автобусных остановках. Конечно, мы могли с полной справедливостью упрекнуть нашу героиню в супружеской неверности. Но говорить о ее легком поведении никак не можем — Асомиддин был у нее всего лишь вторым мужчиной, а было ей в ту пору уже двадцать три года. Так уж получилось, что нравился ей только Игорь Королев, который к тому времени успел издать две книжки и вступить в Союз писателей.

Асомиддин раздражал Анфису своей правильностью, нравственностью и немодной в те годы религиозностью — он не пил, не курил и посещал мечеть на Сенной площади. А еще Анфису раздражало, что Асомиддин никак не желал становиться для нее Каменной Стеной, хотя бы частью этой Стены. Он неплохо зарабатывал, но деньги его уходили в Термез на содержание жены и детей. Анфиса сама не понимала, зачем ей вторая Каменная Стена? Ведь есть уже Изольда Яковлевна, есть какая-никакая квартира на Ванеева, зачем еще какие-то спонсоры? Она не была корыстна, не имела никаких вкладов в Сбербанке, больших денег у нее не водилось... И все же ей хотелось чувствовать себя женщиной, героиней каких-то авантюрных романов, которые она никогда не читала и не будет читать. В Асомиддине было что-то мужское, чувствовалась за ним какая-то сила, и этим он был совсем не похож на сопливого Самойлова. И так было неприятно, что у него еще есть жена, дети, четыре сестры, родители...

Тут-то и произошел один случай, который разрешил все сомнения Анфисы и убедил, что жизнь ее сложилась далеко не худшим образом. Однажды вечером в небольшом кафетерии, находящемся на центральной улице города, в полуподвале бывшего купеческого доходного дома, где теперь располагался хлебный магазин, они с Асомиддином пили томатный

сок, размешивая в граненых стаканах маленькими алюминиевыми ложечками катышки слежавшейся соли «Экстра». Внезапно на фоне тонкого звона, который издавали ложечки, соприкасаясь со стеклом стаканов, Анфиса почувствовала на себе сатанинский притягивающий взгляд, и флюиды не обманули ее — на нее внимательно смотрела Изольда Яковлевна. Как она забрела в этот магазин так поздно — Анфиса не смогла понять до конца своей жизни. К тому же и находился этот самый вышеупомянутый хлебный магазин с кафетерием на той самой исключительно пешеходной улице, по которой Изольда Яковлевна никогда не гуляла и не могла гулять — не было у нее времени на подобные прогулки, особенно в будние дни, поскольку в эти дни после работы садилась она на автобус и в четыре часа вечера уже была дома, чтобы нянчиться с Митяем.

Изольда Яковлевна была выдержанной женщиной. Там, в кафетерии, она ничего не сказала Анфисе. А дома объявила, что Димочке, конечно, ничего не скажет, поскольку ему через день надо сдавать сложный экзамен. Поэтому Анфиса должна как-то сама уйти из их жизни, лучше ничего не объясняя.

«Я ничего слушать не хочу, — несколько раз повторила свекровь. — Но ты должна уйти от нас, и чем раньше, тем лучше. Теперь уже у меня есть полные основания выставить тебя из нашей квартиры».

На следующий день Анфиса собралась, одела Митяя и поехала на автостанцию. Ключа от квартиры Самойловых у нее никогда не было, и Анфиса оставила дверь незапертой, просто прикрыла ее. Изольда Яковлевна и представить себе не могла, что она так поступит — уйдет из дома в ее отсутствие, оставит открытой зверь, да еще ребенка прихватит.

— Комоната, комоната! — закричал отец, увидев ее на пороге. — Ветутась, ветутась. Тутутка ветутась!

Анфиса была в шоке от его странной, скандированной речи.

Мама тоже была дома. Она отвела дочь на кухню и рассказала о том, что отец только что вернулся из районной больницы, где лежал с ишемическим инсультом.

«Ничего страшного, — сказала она. — Речь почти не пострадала. Во всяком случае, я его хорошо понимаю».

Что означает слово «тутутка», Анфиса тоже поняла сразу, без всякого перевода.

Она вновь почувствовала знакомое чувство жгучей обиды. Сколько уже было несправедливостей в ее жизни! Ну, какая же она «тутутка»? Вышла замуж за первого мужчину, родила ему ребенка. Кстати, и встречи с Асомиддином в последнее время чаще всего заключались в непродолжительных прогулках по центральной улице города и посещениях давно надоевшего ей кафетерия. А общений в комнатке за барной стойкой было у них за долгие полгода дружбы настолько мало, что для подсчета их хватило бы пальцев одной руки! И после этого она «тутутка»? Видел бы он всех этих городских девиц, которые каждый месяц меняют парней и при этом ничего не боятся. А что им бояться — у них в городе большие квартиры, у многих родительские машины, дачи. После университета предки устроят их на бластные места, где можно ничего не делать, а только бабки получать. И никто никогда не назовет их «тутутками».

Прошло три дня, и Анфиса вдруг поняла, что совершила ошибку. Впервые, ей позвонил Димочка и сказал, что мама была неправа и что Анфиса должна вернуться. Почему-то Изольда Яковлевна все-таки рассказала сыну о встрече в кафетерии, которая совсем не произвела на него

никакого впечатления. Самойлов говорил о том, что давно знает о тех неприятных чувствах, которые вызывает она у мамы, и что маме в этом помочь никак нельзя. Говорил и о том, что Изольда Яковлевна давно ищет повод для того, чтобы прогнать Анфису. При этом он, как всегда, рассуждал как посторонний человек. Он вообще был очень закрытой личностью, и что там творилось у него на душе, можно было только предполагать. Ощущение было такое, что Димочка не слишком сожалел об уходе Анфисы с сыном, но некие принципы общего приличия, которые он соблюдал, принуждали его делать все для того, чтобы сохранить семью. Ему было все равно, как его мама относится к Анфисе. А как сама Анфиса относится к маме, было ему еще в большей степени фиолетово.

Она сказала мужу, что подумает над его предложением и позвонит ему сама. Анфиса оказалась в какой-то безвыходной яме. С одной стороны, не было человека, который был бы ей настолько омерзителен, как Изольда Яковлевна. Но, с другой стороны, именно она и была ее мечтой, ее фетишем, ее мифологемой, той самой Каменной Стеной, о которой многим суждено только мечтать. Может быть, нужно было ей сказать, что Асомиддин всего лишь ее однокурсник, принес ей конспекты или лекции? Подумаешь, пила томатный сок с чучмекон в засранном кафетерии! Просто эта ведьма предположила то, что только могло быть, а Анфиса испугалась этого предположения... Почему испугалась? Не потому ли, что оно соответствовало действительности?

Анфиса не играла в шахматы. Более того, она даже не знала, как ходят шахматные фигуры. И вообще не была она шахматистом по сути своей, не могла просчитать свою жизнь не только на несколько ходов вперед, но и на один ход. Вот и в Пойму она уехала, не подумав, что будет делать дальше. А ведь надо было подумать.

В чувстве безумного отчаяния, ничего не сказав маме, вышла она из дома и пошла куда глаза глядят. Пришла в себя только на автостанции, вдоль которой проходила трасса, соединяющая областной город с районным. На противоположной стороне трассы располагался небольшой скверик, где Анфиса хотела погулять немного. На минутку остановилась возле проезжей части, пропуская автомобили.

— А ну-ка вали отсюда! — услышала она низкий пропитой голос. Возле нее стояла грязная девка в лыжной шапке с надписью «Спорт» и большим сиреневым фингалом под глазом. — Это наша территория. Мы здесь работаем, поняла?!

Анфиса с омерзением отшатнулась от проститутки и почти побежала по направлению к дому. Как она могла вернуться сюда?!

Через час она уже звонила Самойлову. Трубку взяла Изольда Яковлевна. У нее был усталый и отстраненный голос. На просьбу позвать к телефону Димочку она среагировала вполне адекватно, как будто ничего и не произошло. Анфиса сказала мужу, что давно хотела показать Митяя своим родителям, а тут еще и эта неожиданная ссора с мамой... а дверь она обязательно заперла бы, если бы у нее был ключ.

На следующий день они с Митяем уже вернулись на улицу Ванеева. Анфиса ждала какого-то особо жесткого отношения к себе со стороны свекрови, бурных сцен и скандалов, но, как ни странно, этого не случилось. Девушка поняла, что с Изольдой Яковлевной что-то произошло, и что явно не Асомиддин и не побег из дома стали причиной изменений в настроении и поведении свекрови.

Именно в тот момент, когда Анфиса общалась с местной проституткой,

однокурсник Изольда Яковлевны Марик Абелевич делал ей очень сложное и болезненное диагностическое обследование. Это обследование только потому и удалось, что Марик использовал затыренные старшей медсестрой отделения обезболивающие препараты. Именно благодаря этим препаратам и сумел опытный эндоскопист добраться до того места, где восходящая кишка круто поворачивает налево и переходит в поперечноободочную и обнаружил как раз в месте этого поворота образование, очень напоминающее по своей форме злокачественную опухоль. Сама Изольда Яковлевна обратилась к Мариду вовсе не в профилактических целях, а потому, что за три месяца похудела на пятнадцать килограммов и испытывала усталость чуть ли не от каждого шага. Да и резкая анемия в крови ее насторожила. Ожидая результатов биопсии, женщина меньше всего думала о дурацкой Анфисе. Жалкая деревенская содержанка для нее была не интересней невзрачных чахоточных березок, растущих во дворе возле гнилых сараюшек.

Узнав, что у нее аденокарцинома, Изольда Яковлевна не отчаялась. За несколько дней, используя все свои связи, сдала многочисленные анализы и легла на операцию. Однако метастазы в печени, обнаруженные хирургом, утешить ее никак не могли. Да и в Небесной Канцелярии связей у нее, как назло, никаких не оказалось.

Самойлов был не только хорошим отцом, но и хорошим сыном. Он постоянно находился возле мамы, общался со всем персоналом, сопровождающим эту историю — врачами, медсестрами, санитарками, сиделками, а потом и прозектором с ритуальными агентами.

Узнав о неизлечимой болезни свекрови, Анфиса несколько оживилась. Она взмечтала о том, что после ухода Изольды Яковлевны займет ее место в семье и станет, наконец, хозяйкой в этой крошечной хрущевке.

Но молодая женщина переоценила своего мужа. Димочка заявил, что никогда не даст согласия на прописку Анфисы в его квартире. И если она не хочет жить на его территории, то пусть уезжает к себе в Пойму.

Этого-то она никак не могла себе представить. Вялый, безвольный, гуттаперчевый Самойлов вдруг проявил несвойственные ему жесткость и принципиальность. Напрасно пыталась Анфиса найти обходные пути, говорила Димочке, что без городской прописки не сможет найти работу в городе — тот был неумолим.

Да, была в этом парне какая-то загадка.

Смерть свекрови сыграла в жизни Анфисы скорее отрицательную, чем положительную роль. Она поняла, что лишилась той Каменной Стены, которую обрела так неожиданно. Студент шестого курса Самойлов, перебивавшийся с двойки на тройку, стипендии не получал и жил на деньги матери. В первом часу дня он уже возвращался из института, брал в руки шестиструнную гитару и валился на диван. Однажды Дима предложил Анфисе уехать с Митяем в Пойму, чтобы он мог пустить в маленькую комнату квартирантов — его друзей, студентов мединститута. Анфиса отказалась.

— Если ты будешь препятствовать мне в этом, — сказал Димочка, — тебе придется самой платить мне за проживание. Пойми, я хочу сдавать комнату вовсе не из жадности. Просто на стипендию в нашей стране не проживешь. К тому же я троечник, мне и стипендию не платят. Я для деканата человек второго сорта. А ты собиралась вечно жить на мамины деньги?

— Тогда работать придется мне, — ответила Анфиса. — А ты будешь сидеть дома с Митяем.

Известно, что случайности подчас определяют весь ход нашей жизни. Мы не знаем, например, при каких условиях и когда первый раз Алексашка Меньшиков увидел молодого еще русского царя Петра. Торговал ли он при этом пирожками, свининой или навязывал кому непотребных девиц. Возможно, что и не торговал никогда он пирожками, а все это придумали завистники, чтобы подчеркнуть его плебейскую сущность. Но кто решился спорить с тем, что если бы эта судьбоносная встреча не произошла, никогда не попал бы вышеупомянутый авантюрист, карьерист и вор на страницы учебников отечественной истории, не превратился бы из пошлого мошенника в «птенца гнезда Петрова»?

Подобное произошло и с Анфисой. Буквально за день до разговора с Димой по поводу аренды комнаты встретила она возле известного уже нам кафетерия поэта Сашу Михайлова. За эти годы Саша сильно изменился — как-то постарел и осунулся. Одет он был, как всегда, в старые женские заштопаные кофты. Было в ту пору Михайлову от силы тридцать пять лет от роду — так что Анфиса не понимала, почему он так плохо выглядит и так странно одевается. Тем более что Михайлов не пил, не курил и имел весьма достойную работу — возглавлял отдел культуры областной молодежной газеты. Саша был добрым, отзывчивым и бескорыстным человеком. А эти три качества, особенно в их сочетании, у поэтов встречаются крайне редко. Более того, он, как многие пишущие люди, не носился со своим талантом, как с писаной торбой, и никому не читал своих стишков — ну разве только по настойчивой просьбе окружающих. И это еще не все его заслуги. Будучи заведующим отделом культуры, он делал все для того, чтобы стихи его товарищей появлялись на страницах газеты. Свои же сочинения в этой газете принципиально не публиковал, дабы не упрекнули его коллеги в корыстном использовании служебного положения. Словом, Саша Михайлов — а мы имели честь знать лично этого человека — принадлежал к тому редкому типу стихослагателей, которые не испытывают оргазм при виде своих строк, набранных типографским шрифтом.

Михайлов сказал, что как раз сегодня из отдела писем уволилась беременная женщина, и есть возможность устроиться в отдел на время ее пребывания в декретном отпуске.

Анфиса зачислилась на работу за один день — в то время бюрократов было меньше, даже справку из ментовки об отсутствии судимости не требовали! — и к вечеру уже приступила к своим обязанностям — сортировке приходящих в газету писем и разноске их по редакционным отделам.

Вот уж правду говорят — не так страшен черт, как его малюют. И почему раньше Чистякова так боялась работы? Приезжала она к десяти часам. От квартиры Самойлова до площади Минина полчаса ехала в уже довольно пустом троллейбусе, а от площади до редакции было рукой подать. В час дня сотрудники уходили обедать в Кремль, в обкомовскую столовую. Готовили там невероятно хорошо, а цены были совершенно копеечные. Никто не выслеживал до минуты, когда Анфиса возвращалась из столовой. Могла вернуться и в два, и в три часа. А в половине шестого редакция официально заканчивала работать, и людей с улицы вахтер туда не пропускал. Правда, некоторые увлеченные люди, вроде Саши Михайлова, могли просидеть в кабинете и до восьми, и до девяти часов вечера. Но ведь работа, как говорится, не волк — в лес не убежит.

Самойлов сдержал обещание по поводу Митяя. По утрам брал с собой на занятия в больницу, оставляя на три часа сердобольной гардеробщице. В мединституте родилась легенда, что у Димочки вслед за матерью умерла жена, и приезжие девушки вроде Анфисы стали проявлять к нему интерес, несмотря на наличие Митяя. Некоторые из них появлялись подчас в его квартире, и на традиционный вопрос об умершей жене Димочка загадочно отвечал: «Можно сказать, что умерла». Девушки жалели этого доброго, вялого, непрактичного парня, которому так не повезло в жизни — умерла от рака еще совсем молодая мама, а потом ушла жена, оставив его с трехлетним ребенком.

Жизнь, как известно, полна неожиданностей. Так, после устройства на работу она стала куда ярче. Анфиса даже не могла представить себе, как раньше проводила целые дни в вонючей хрущевке Самойловых. С Асомиддином она продолжала изредка встречаться после работы, хотя эти встречи не давали ей теперь прежнего ощущения свободы. Но, как говорится, на безрыбье и рак рыба. Так что уж лучше пить томатный сок с Асомиддином, размешивая соль алюминиевой ложечкой в звонком стакане, чем вообще быть одной. Самойлов после смерти мамы вообще перестал интересоваться ею как женщиной. А после известного разговора об аренде комнаты стал ей настолько противен, что ее даже от одного вида его тошнило.

Наверное, не стоило выходить за него замуж. Но тогда ей пришлось бы жить и работать в Пойме. А главное, и Митяя у нее бы не было. Анфиса не слишком любила сына, но понимала, что он — одно из ее важных жизненных приобретений. Вот Ирка Котляревская, при всем ее уме и высшем образовании, до сих не замужем, и никаких детей пока у нее не предвидится.

Могилка Изольды Яковлевны еще не успела просесть, а деревянный крестик-временка опрокинуться на сырую кладбищенскую глину, когда вдруг Анфиса неожиданно обрела вторую Каменную Стену в своей жизни. Эта Стена была куда надежнее и толще первой и предстала она в виде резко пахнущего мужским дезодорантом Олега Михайловича Радаева.

Радаев принадлежал к вечной породе «активистов». Эту породу ментально определяет опытный преподаватель, знакомясь с новой для него студенческой группой. «Активист» всегда тянет руку вверх, всегда требует обратить на себя внимание, всегда норовит занять ключевое место в человеческой иерархии — стать старостой группы, потока, факультета, секретарем комитета комсомола института, председателем профкома, парткома, ректором, секретарем райкома партии, директором завода, министром АБВГД и председателем ЕКЛМН. Он всегда первый открывает дверь перед начальником и говорит ему удачные и не совсем удачные комплименты. Этому человеку можно дать любое поручение. Даже если он его и не выполнит, он никогда не скажет, что выполнить его невозможно или не имеет никакого смысла.

Радаев не имел никаких талантов, кроме таланта административно-го. Однако администрирование было не только его работой. Оно составляло всю суть его жизни. Непонятно только, почему Олег Михайлович выбрал техническую специальность, поступив на автомобильный факультет местного политеха. В равной степени вероятности он поступил бы и в другой вуз, и на другой факультет. Учился он хорошо и очень ровно, однако особого интереса к наукам не испытывал. В первый же год учебы его быстро завербовал майор в штатском из известной конторы, что весьма помогло Радаеву выстроить успешную карьеру. Майор помог Олегу с рас-

пределием на Горьковский автозавод, где последний только полгода пошустрил на производстве, бегая по шумным цехам, а потом пересел в мягкое кресло освобожденного секретаря комитета комсомола. Через год Радаев уже был вторым секретарем Автозаводского райкома комсомола, а вскоре — инструктором обкома. Именно оттуда и забросили его руководить областной молодежной газетой, пообещав в дальнейшем более выгодное место в областном комсомольском амфитеатре.

Оказавшись в газете, Радаев принялся рьяно выполнять свои обязанности. По складу души он был все же более технарь, нежели гуманитарий — книги как таковые читал только в рабочих целях. Написать сам ничего не мог, кроме заявления в отдел кадров. Но именно такие люди у нас всегда и командовали журналистами и писателями.

Нельзя сказать, что чиновники из обкома комсомола обманули старательного парня, сослав его в газету. Просто оттуда ушел редактор на повышение, а на его место надо было срочно, не откладывая, поставить проверенного человека. Звонок майора в штатском, который к тому времени уже стал полковником, тоже помог Олегу обрести реноме надежного редактора. Просто в Кремле на виду были уже другие люди, и на заседании обкома Радаева приглашали редко — газетка для номенклатуры была только галочкой, нишей, которую нужно было заполнить.

Неожиданно Олег Михайлович осознал, что в свои сорок лет вряд ли сумеет двинуться дальше газеты. Из комсомольского возраста он давно вышел, а в калашный ряд партийных органов его никто не приглашал.

Красивая длинноногая девица с импозантной горбинкой на носу, чем-то похожая на испанку или итальянку, появившаяся в отделе писем, сразу же привлекла внимание стареющего комсомольца. Большую роль в их отношениях сыграло и землячество. Оказалось, что редактор родом из Павлова, то есть того самого районного центра, где работала Анфисина мама, а в Пойме трудилась его родная тетья. Наталья Сергеевна Радаева, учительница математики и завуч по внеклассной работе той самой школы, где учились Анфиса с Ирккой, преподавала у девчонок четыре года подряд и одно время даже была их классным руководителем. Действительно, удивительно тесен наш мир!

Радаев был женат вторым браком на какой-то невзрачной девице, которая родила ему мальчиков-погодков, но это вовсе не мешало ему встречаться с Анфисой на квартире, находящейся в доме напротив магазина «Художественные промыслы». Эта жилплощадь, как говорил Радаев, досталась ему от бабушки, однако скудная, казенная обстановка двушки свидетельствовала о ее служебном, ведомственном предназначении. Настоящие арендаторы прекрасно знали об отношениях Радаева и Анфисы. Это обстоятельство только укрепляло их уверенность в надежности редактора. Сама контора находилась буквально в трехстах метрах от «бабушкиной» квартиры. Но не знали только могущественные полковники, что скоро их заведение подвергнется существойственной чистке и перестройке, и придется им только наблюдать, как русские бандиты и нувориши растаскивают по своим темным норам сокровища когда-то великой державы! Как так получилось, что настоящие наши патриоты, мудрые и образованные охранители государства, в лоб не увидели своих настоящих врагов? Почему они, проводя «профилактические беседы» с безобидными студентиками, рассказывающими анекдоты про Брежнева, Чапаева, Петьку и Анку-пулеметчицу, в глаза не разглядели капиталистическую лернейскую гидру, когда она только еще начала расползаться по нашей

великой стране? Неужели потеряли присущую им бдительность? Или просто привыкли действовать только по указу с самого верха?

Олег Михайлович считал себя умным человеком, а все окружающие люди тем более считали его очень умным, успешным и процветающим. А на самом деле был он мужчиной совершенно ограниченным и даже никчемным, поскольку не слышал ни оглушительного и безбашенного треска кузнечиков в пахучей летней траве, ни кукушечьего экзистенциального пророчества, ни скольжения ушей на дне болотистых яруг. Не приходил в восторг аппаратчик и от умопомрачительного запаха сирени в майские холода. Да и запах лесной земляники не вызывал у него положительных эмоций. Закат и восход в равной степени оставляли его равнодушным. Более того — даже женские прелести не слишком впечатляли молодого чиновника — он не был гедонистом. Все его приятели и коллеги имели молодых любовниц, а он был не хуже других, и наличие такой вот длинноногой особы, пусть и пойминского происхождения, конечно же, только повышало его рейтинг и в собственных глазах, и в глазах других людей.

Как лермонтовский Мцыри, имел Сергей Михайлович «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть», и эта страсть заключалась в продвижении по карьерной лестнице. И больше всего интересовало его, кто и где занимает какой пост и на чье место взяли того или иного человека. Знал он отлично, например, что товарищ А. по протекции товарища Б. занял место товарища В., на которое всегда претендовал товарищ Г. Но обстоятельства складываются так, что если товарищ В. уйдет с этого места, то на него назначат или товарища Д., или товарища Е., но зависеть это будет в большей степени от товарища Ж., чем от товарища Б. Вот такие очень интересные, сложные мысли не покидали голову нашего героя, которую всегда разделял на две неравные части резко пахнущий парфюмом ровный пробор смоляных волос.

Когда Анфиса поняла, что обрела очередную Каменную Стену в лице Радаева и решила навсегда уйти от воскового супруга, он поселил ее уже в другой квартире, однокомнатной, находящейся в том же доме, что и квартира явочная.

Беда Анфисы Чистяковой вовсе не была какой-то особенной, присущей только ей бедой, поскольку все молодые люди так или иначе ей подвержены. Назвать эту беду можно отсутствием опыта. Молодая женщина была убеждена, что редактор областной молодежной газеты как-то особенно к ней относится, во всяком случае, не так, как к своей убогой и некрасивой жене. Радаев же ко всем своим женщинам относился одинаково и похож в этом был, как ни странно, на Игоря Королева, хотя, разумеется, не только не писал стихов, но даже не читал их.

Анфиса оказалась права — Радаев стал настоящей Каменной Стеной, во всех отношениях. Ведь одна из главных качеств Каменной Стены заключается в том, что ей совершенно по барабану, кто за ней прячется — Анфиса, Лариса или серая крыса. Ведь Стена ничего не понимает. Она холодная и Каменная.

Самойлов не препятствовал разводу, но Митяя оставил у себя. Анфисе это было только на руку — ребенок помешал бы комфортно жить на съемной квартире. Теперь Анфиса ходила на работу пешком, а ужинала в ресторане, который находился на первом этаже того же дома. Денег у

нее теперь хватало. Радаев посещал ее не чаще, чем два раза в неделю. Если физическая близость с Самойловым не приносила ей особых неприятных ощущений, кроме легкой брезгливости, то Радаев зачастую был источником сильной физической боли, которая беспокоила Анфису в течение суток после его визита. Не случайно она прозвала Олега Михайловича Отбойным Молотком, вложив в эту кличку и символический обыгрыш как первых букв его имени и отчества, так и те движения, которые он осуществлял, подойдя к ней сзади и опрокинув ее лицом и грудью на обеденный стол. Что касается этого символического обыгрыша, то инициатором его была вовсе не примитивная Анфиса, а куда более продвинутая в умственном развитии Ирка Котляревская. Именно она однажды предложила давать такие кодовые прозвища учителям пойминской школы. Так, тетя Радаева, учительница математики Наталья Сергеевна стала Настоящей Сукой, физрук Семен Михайлович — Сексуальным Маньяком, а тихая и интеллигентная биологичка Мария Харитоновна получила такую кличку, которую мы даже назвать не можем по цензурным соображениям. К чести пойминских учителей стоит отметить, что клички никак не соответствовали их вполне достойному поведению. Если Наталья Сергеевна действительно пользовалась известностью как достаточно строгий и требовательный педагог, а потому и могла называться Настоящей Сукой теми, кто не слишком хотел учиться, то физрук и особенно биологичка были добрыми, открытыми, либеральными и совершенно не конфликтными учителями, рисовавшими тройки даже тем, кто явно этого не заслуживал, и сквозь пальцы смотрящими на постоянные прогулы учеников. Что же касается Отбойного Молотка, то кличка полностью соответствовала частоте и особенно силе движений вышеупомянутой личности.

В государстве проходили непонятные для Анфисы изменения. Даже вялый Самойлов однажды, когда бывшая жена пришла к нему ради традиционной прогулки с Митяем, сказал, что нужно срочно ехать в Москву и выходить на баррикады, иначе нам могут снова запретить петь те песни, которые мы хотим петь. Анфиса выразила недоумение — она вообще не пела никаких песен. «Ты что, так и хочешь смотреть до конца жизни по телевизору “Лебединое озеро”?» — продолжал Димочка. Анфиса отвечала, что не смотрит телевизор.

Отбойный Молоток тоже изменился. Молотить не перестал, но стал грустным и озабоченным. Анфиса понимала, что он по своим убеждениям находится по другую сторону баррикады от Самойлова, однако не могла осознать, в чем суть их расхождений.

Августовское противостояние разрешилось за несколько дней. Победа «либералов» совсем не отразилась на жизни Самойлова. Он как учился в клинической ординатуре на кафедре факультетской хирургии, так и продолжал там учиться. А вот Отбойный Молоток пострадал. Он был снят с должности главного редактора областной молодежной газеты и несколько месяцев был безработным, как и его друзья по обкому партии, который вдруг оказался вне закона. Анфиса никак могла понять, как так произошло, что бывший первый секретарь какого-то уральского обкома, став президентом России, вдруг запретил все обкомы.

Когда редакцию газеты возглавил Владимир Фельдштейн, двоюродный брат новоиспеченного кудрявого губернатора, Отбойный Молоток заявил Анфисе, что снимать ей квартиру больше не будет. Каменная Стена зашаталась и готова была развалиться на мелкие кирпичики.

Фельдштейн превратил областную газету в рекламное агентство. Разворот был отдан объявлениям, где мелким шрифтом (ради экономии бумаги!) публиковались всевозможные объявления. Складывалось такое впечатление, что все жители многострадальной России разделились на две категории — продавцов и покупателей. Радиофизик по образованию, удостоенный к тому же кандидатской степени за исследования в области физических свойств жидкой плазмы, Фельдштейн был человеком многогранным — он неплохо разбирался в вопросах экономики и маркетинга, следил за курсом доллара со скоростью уличного термометра, однако культурную роль газет в жизни общества не понимал или не хотел понимать. Газетчики старой генерации, типа Саши Михайлова, не смогли сработаться с предпринимателем от журналистики и вынуждены были уйти из редакции. Однако отдел культуры как таковой еще существовал, хотя и был сокращен до двух человек. Туда-то и была назначена на место Михайлова активная сорокалетняя дама Марина Кошкина. Высокая, мужеподобная, с короткой стрижкой, она ходила в брючном костюме и курила папиросы «Беломор», довольно редкие в начале девяностых. Увидев Анфису, она сразу же предложила ей работать в отделе культуры.

Анфиса сразу же почувствовала неформальное отношение к себе со стороны Марины и решила этим воспользоваться. Тем более что через две недели должна была явиться за деньгами квартирная хозяйка, платить которой Радаев наотрез отказался.

Отметив такое более чем лояльное отношение к себе, Марина посчитала, что девушка давно уже «в теме», хотя на самом деле об этой «теме» у Анфисы были пока только весьма абстрактные представления. В глубине души, правда, теплилась надежда на то, что, может быть, с Мариной она будет испытывать то, что никак не получалось у нее с мужчинами. Увы, Анфиса ошибалась. В плане физической близости это оказалось чем-то вроде Самойлова. Никакие движения бедер не помогали, Анфиса только нервничала и долго не могла заснуть из-за перевозбуждения. Только упражнения в ванной при помощи душа несколько успокаивали ее.

Но все это, конечно, была полнейшая ерунда и возня мышьяная по сравнению с материальным вопросом. Прав был все-таки седобородый еврей Карл Маркс, когда впервые в мировой истории заявил, что в основе всех человеческих отношений лежат отношения экономические! Анфиса позвонила квартирной хозяйке, сказала, что срочно съезжает, хотя имела права жить в арендованной квартире еще пять дней. За день до этого она уже перевезла свои вещи к Марине.

Марина обитала в двухкомнатной квартире, находящейся в зеленом и хорошо обустроенном микрорайоне, рядом с большим, популярным у жителей города лесопарком с тремя озерами. Правда, теперь в редакцию приходилось ездить на автобусе. Но Анфису это не пугало — они ездили вместе с Мариной и, разумеется, на Маринины деньги.

И все же, как известно, счастье полным не бывает. Анфиса стала обращать внимание на то, что коллеги улыбаются и шушукуются, увидев ее вместе с Мариной. Особенности ориентации Кошкиной всем были известны. С другой стороны, общество давно уже стало открытым и демократичным. Однако у России всегда был свой путь в мировом развитии, и об этом говорил не только старорежимный Бердяев, гуляя с тросточкой и в парусиновой шляпе по светлым российским березовым рощам. То, что является признаком свободы у них, у нас никогда не приветствовалось. Анфиса всегда мечтала о том, чтобы быть успешной. Понятие об успехе у

нее не было оригинальным. Жить в большом городе, иметь свою квартиру, мужа, детей, много денег, модные вещи. Совместное проживание с лесбиянкой и имидж лесбиянки не могли ее радовать. К тому же, ей приходилось врать дважды — Марине внушать своим поведением, что такие отношения органичны для нее, а в обществе постоянно повторять, что они «только подруги». Связь с Мариной так или иначе вынесла ее на обочину жизни. Для многих коллег она стала изгоем, а это никак не входило в ее планы.

В последнее время она никак не могла дозвониться до Самойлова. Пусть и небольшой материнский инстинкт унаследовала наша героиня от своей мамы, Митяй был ее сыночком, и она любила его. Раз в неделю она виделась с сыном, увозила его на квартиру к Марине, частенько они вместе гуляли в лесопарке, брали напрокат деревянную лодку на втором озере. А тут вот уже месяц никаких встреч. Наконец, Анфиса не выдержала, после работы приехала на Ванеева и долго звонила в дверь, пока на лестничную площадку не вышла пожилая соседка, подруга покойной Изольды Яковлевны. Эта соседка с каким-то сталинским именем типа Искры или Октябрины поведала удивленной Анфисе, что Димочка женился на своей пациентке, москвичке, и уехал вместе с ней и Митяем в Москву. Почему москвичка лечилась в провинциальной больнице, тоже не осталось тайной для словоохотливой старушки — она попала туда с приступом острого аппендицита, который начался еще на теплоходе «Александр Суворов», подплывающем к нашему городу. Между хирургом, спасшим молодую женщину не только от угрозы перитонита, но и вытащившим ее из тяжелого нервного потрясения, связанного с неожиданной болезнью, возникло достаточно эмоциональные отношения (что, в принципе, очень закономерно для тридцатилетних людей), приведшие их якобы в стены ЗАГСа. Конечно, такой неожиданный отъезд Димочки вместе с сыном порадовать Анфису не мог. Она была очень социабельна и всем знакомым говорила о том, что не живет с ребенком только потому, что Марина против этого. Версия эта была правдоподобной. Как теперь искать Самойлова, она не даже представляла.

В мире нет ничего постоянного. В этой банальной фразе, однако, растроена трагедия. Каждый знает это, но надеется на то, что его дети, например, не умрут раньше, чем он сам, что он не станет инвалидом, что его не попрут с работы и что он даже никогда не проколет покрышку колеса, наехав на саморез. На следующий день после разговора с Искрой-Октябриной Анфиса, проходя вместе с Мариной возле все того же злополучного хлебного магазина с кафетерием, увидела Асомиддина, который шел под ручку с молодой узбечкой. Анфиса давно уже не встречалась с этим парнем, и его судьба ей была по барабану, как и судьбы и всех остальных людей. Но, тем не менее, ей очень не понравилось, что среднеазиат чувствует себя отлично и без нее.

Сестрелиница Анфисы обладала жутким характером. Она требовала от девушки постоянного подчинения. Это была какая-то странная ролевая игра, одно из условий которой заключалось в том, чтобы называть ее исключительно на Вы, а также по имени и отчеству. Марина вовсе не была садисткой и не насильовала Анфису. Однако была патологически ревнива. Однажды, увидев, как Анфиса пьет в отделе чай с грубой мужеподобной пожилой уборщицей, заявила той, что руки-ноги ей переломает. Бедная уборщица ничего понять не могла, пока добрые люди не рассказали ей об ориентации Марины. Все эти странности переполняли чашу

переняла Анфисы. Она вскоре поняла, что плата за Каменную Стену была слишком велика.

И тут, как всегда бывает, когда неприятностей через край, проглядывает солнышко из-под края тучи. В один из серых осенних дней, когда Анфиса сидела в отделе в полном одиночестве (Марина была на интервью в театре юного зрителя), ближе к вечеру, в комнате появился... Игорь Королев.

Старый кожаный пиджак, предмет потасовки между ним и поэтом Николаевым, сидел на нем все так же безукоризненно. Простенькая бордовая водолазка, как ни странно, только подчеркивала элегантность Игоря. Черные кроссовки с желтыми шнурками только молодили почти сорокалетнего поэта и усиливали неофициальность и демократичность его имиджа. Увидев Игоря, Анфиса почувствовала, как застучало под сиреневой футболкой с вышитыми на ней ромашками ее нежное девичье сердце.

— Анфиса, я узнал от Саши Михайлова, что ты теперь работаешь у Кошкиной, — по-деловому начал Игорь. — Жаль, что я не застал Марину Сергеевну, поскольку хотел поговорить именно с ней как с заведующей отделом. Но, я думаю, ты расскажешь ей о моем предложении, а я потом ей позвоню.

Оказалось, что Игорь уже восемь лет как ведет на общественных началах литературную студию, которую посещают лучшие поэты города. Поскольку областное издательство теперь отказалось выпускать поэтические книги, у поэтов осталась только одна трибуна (Королев так и сказал — «трибуна», и это слово показалось Анфисе слишком пафосным) — молодежная газета. Игорь планировал публиковать раз в месяц большие подборки стихов в газете Фельдштейна.

Анфиса была не слишком проницательна, но она сразу же поняла всю утопичность предложения Королева. Фельдштейн скорее ассоциировался с фондовой биржей, чем с поэзией в каком бы то ни было ее проявлении. Но как всякая женщина, героиня наша обладала мимикрией. Она сказала, что это все, конечно, классно и суперно и что она обязательно Марине Сергеевне все передаст, но лучше бы было, если бы он предложил ей это все сам, без посредников.

Игорь стал рассказывать ей о судьбе знакомых поэтов. Саша Михайлов, оказывается, давно работал кочегаром в котельной и сторожем в церкви. Сам Игорь, окончивший до истфила художественное училище, в настоящее время полдня проводил у чугунной решетки университетского скверика, рисуя портреты прогуливающих по центральной улице города обывателей.

— А помнишь библиотекарку Иванну из Семеновского района? — спросил он вдруг. Анфиса почувствовала, как внутри у нее все опустилось от чувства омерзения к этой старой облезлой крысе. — Она умерла. Слово такое красивое — «меланома».

А тем временем рабочий день уже закончился. Марина в редакцию так и не вернулась. Значит, после интервью она поехала домой.

События развивались стремительно. Как будто Анфиса пересела в космический корабль, летящий со скоростью света. В восемнадцать часов они с Игорем ушли из отдела, и Анфиса сдала ключ на вахту. А через полчаса они уже сидели в кафе «Бригантина», находящемся возле Водного института.

Игорь оказался весьма платежеспособным, что лишний раз подчер-

кивало его совершенство. Само чудо заключалось вовсе не в том, что после посещения кафе она оказалась дома у Игоря на улице Студеной (это было вполне обыденно, если не банально!), а то, что ей впервые в жизни не пришлось резко сводить бедра для того, чтобы испытать оргазм. Он пришел сам, причем дважды, и без всяких усилий с ее стороны.

Вот это и было настоящее чудо.

9

Проснувшись утром в темной спальне Королева, единственное окно которой выходило на ризалит дома, — отсюда и темнота! — Анфиса поняла, что к Марине больше не вернется. Эта ночь разделила ее жизнь на две неравные части. Все, что было до нее, — было, несомненно, только черновиком, предисловием к настоящей жизни. Марина понимала, что разлучить с Игорем ее могут теперь только два обстоятельства: или какое-то объективное природное явление — землетрясение, болезнь, смерть, — или же воля самого Игоря, которой она вынуждена будет подчиниться. Но никогда это не будет ее воля. Понимала также Анфиса, что разрыв с Мариной неизбежно приведет к потере работы — Марина не допустит, чтобы после разрыва с ней Анфиса работала не только в ее отделе, но и в редакции вообще. Надо было как-то объяснить Марине причину ее исчезновения.

Она попросила это сделать Игоря, но тот отказался. Он лелеял мечту о ежемесячных публикациях местных поэтов в молодежной газетенке. «Но все равно же она узнает, что я ушла к тебе, — сказала Анфиса. — Поверь мне, здесь не обойдется без скандала». — «Да ладно, что она нам делает!» — ответил Игорь.

Решено было послать к Марине Сашу Михайлова. Игорь сказал, что сам он, Игорь Королев, вовсе не жаждет видеть свое имя, набранное типографским шрифтом в газете. У него и так уже полно публикаций и две изданные книги — одна в местном издательстве, другая в московском «Современнике». Он беспокоится только о судьбе молодых талантливых поэтов города.

Тогда еще не было телефонов с определителем номера. И когда днем Анфиса позвонила от Игоря в редакцию и сказала Марине, что срочно уехала в Пойму из-за инсульта у папы, Марина ей поверила.

«Ты просто дура, — прокомментировал ее поступок Игорь. — Скажешь правду сразу. Она же позвонит тебе в Пойму сама сегодня или завтра».

Вечером они отправились на Ильинку, в церковь Вознесения Господня. В подвале церкви возле печки-буржуйки сидел скрюченный Михайлов. Он еще сильнее постарел и осунулся с момента последней встречи с Анфисой.

— Такое уж сейчас время наступило, что мы стали быстро стареть, — промолвил Михайлов, упредив вопросы Анфисы. — По сути дела, жизнь кончилась. Началось чисто физиологическое существование. Ассимиляция и диссимиляция.

Он наотрез отказался идти к Марине Кошкиной с просьбой о публикациях.

— Видишь ли, Игорь, — сказал он. — Мне было бы очень неприятно в качестве просителя идти туда, где я проработал восемь лет и откуда меня вышвырнул этот буржуй Фельдштейн. К тому же, стихи я больше не пишу. Никому это сейчас не нужно. А самое главное, это не нужно мне

самому. Я всегда считал, что мои стихи смогут сделать мир хоть немного лучше. Но разве хоть что-то может сделать лучше Фельдштейна и Ельцина? Никто и никогда. Мир никогда еще не опускался до такого уровня падения, как теперь. Не только Россия. Весь мир.

Говорил Михайлов как-то медленно и вяло, так что сложилось впечатление, что он немного пьян.

— Нет, ты ошибаешься. Как раньше не пил, так не пью и сейчас. Ты помнишь, что ответил Клим Самгин, когда ему сказали, что он пьян?

Игорь не помнил, конечно, а Анфиса тем более.

— Он сказал: «Нет, я не пьян. Я, может быть, самый трезвый человек в России. Поэтому я и сижу сейчас в этом подвале».

— Но раз ты самый трезвый, так давай поговорим как трезвые люди. Спасти нашу поэзию можешь сейчас только ты. Я прошу тебя сходить к Кошкиной.

— Спасти поэзию? Как? — рассмеялся Михайлов. — Напечатав стихи у Фельдштейна? Рядом с объявлениями о продаже сапог и колготок? Вот у меня ваша газетка лежит. Я ею печку разжигая, прежде чем дрова кидать, а то они в этом проклятом подвале не сохнут совсем. Хочешь, прочитаю?

Михайлов взял с табуретки, где лежала куча газет, первую попавшуюся и начал читать:

— Вот, слушайте. «Молодая девушка с чувством юмора, немного склонная к полноте, но без комплексов, познакомится с состоятельным, уверенным в себе мужчиной до пятидесяти лет, неженатым и несудимым, с квартирой и авто». «Ласковый неманерный парень познакомится с активным другом за небольшую материальную поддержку»... Здесь стихи печатать?

— Ну и что! Мы же не отвечаем за эти тексты! У них другие авторы — чуть не закричал Королев. — Пусть рядом печатают хоть «Майн кампф» Гитлера!

— Нет, Игорь. Я рядом с Гитлером печататься не хочу, — ответил Михайлов. — Это мой выбор и мое право.

Неприятный осадок от встречи с Михайловым быстро рассеялся, когда Анфиса вместе с Игорем вышла из церкви. В этот день начались первые заморозки, и бесконечные лужи покрылись тонким, серебристым слоем льда. Анфиса, как первоклассница, била каблуками тонкие льдышки, под которыми уже не было воды. В этот поздний час буднего дня на Ильинке никого не было. Трамвай, в котором сидело всего несколько человек, остановился возле церкви.

— Ну что, проедем до Свердловки? — предложил Игорь.

— Нет, давай лучше прогуляемся, — ответила Анфиса. — Там, в этом подвале, у него так душно.

Эта вечерняя прогулка была одной из самых счастливых в жизни Анфисы. Рядом с ней шел любимый человек. Жизнь казалась вечной и наполненной огромным смыслом. Иногда, правда, мысль о потерявшемся Митяе приходила ей в голову. Но ведь Самойлов был прекрасным отцом, и она понимала, что пока он с Митяем, ей не надо беспокоиться о благополучии сына.

Почему же все это случилось только теперь, а не тогда, когда Королев выбрал белобрысую старую Иванну? Они перешли по мостику через Почаинский овраг, а потом повернули налево. Прошли мимо старого, похожего на свиток развернутой Торы, здания синагоги.

Королев очень хорошо знал историю родного города. Он рассказывал ей почти про каждый дом, и ей было очень интересно. Она поймала себя на том, что если бы ей рассказывал все это какой-нибудь мудрый и несчастный Михайлов, ей бы так интересно не было.

Удивительным человеком был этот Королев! О чем бы он ни говорил, все наполнялось каким-то новым смыслом.

Через арку они вышли на главную пешеходную улицу города к красивому зданию банка, построенному к приезду последнего русского царя, в честь трехсотлетия царствующей династии. Потом прошли мимо все того же хлебного магазина с кафетерием, повернули в Холодный переулок. Королев показал Анфисе желтое здание школы с некрасиво пристроенным к нему спортивным залом. В этой школе он учился десять лет. Анфиса вспомнила свою школу, которая была удивительно похожа на школу Игоря. И даже спортивный зал из белого кирпича был таким же. Почему у нас так все похоже? Так однообразно, так однобоко и бесприютно?

Королев жил в большой трехкомнатной квартире, оставшейся ему от бабушки. Квартира была с частичными удобствами — из крана лилась только холодная вода, и ванны тоже не было. Правда, в туалете на полу было сделано отверстие, соединенное с канализацией, так что там можно было мыться, предварительно притащив кастрюлю с горячей водой. Игорь рассказал, что они с бабушкой лет пятнадцать ходили мыться в государственный душ, за двадцать копеек, находящийся в двухстах метрах от дома, в Звездинском садике. Но у бабушки был артроз тазобедренных суставов, и с семидесяти пяти лет она практически не выходила из дома. Поэтому кто-то из знакомых и посоветовал ей приспособить для мытья маленький и темный туалет. Игорю, конечно, такое мытье не нравилось, и он ходил мыться в баню на улицу Новую.

Марина Сергеевна, конечно, уже на второй день разыскала телефон родителей Анфисы и поняла, что ее обманули. Королев был достаточно известным человеком в узких кругах. Сотрудница отдела рекламы, в юности посещавшая «Феникс», рассказала Кошкиной, что Анфиса уходила из редакции вместе с Королевым. Отыскать адрес и телефон Королева удалось через Союз писателей. Унылый Иван Кириллович Крюков, занимавший к тому времени должность литконсультанта областной писательской организации, заявил Марине, что не обязан давать случайным людям адреса профессиональных писателей, и даже красная книжечка с золотыми буквами «Пресса» Марине не помогла. Зато помогла бутылка красного сухого вина, которую вынула из сумки опытная в житейских делах журналистка. Конечно, Крюков предпочел бы водку, но, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

«А вот это уже другое дело», — сказал он тоном человека, произнесшего что-то остроумное. Но это было совсем не смешно.

Марина увидела Игоря и Анфису, когда они стояли в центре двора. Игорь рассказывал, как в детстве катался в этом месте на санках с горки.

— Ну что, коза гулящая? — сказала Марина. — Ты думаешь, я прощу тебе прогулы?

— Да пошла ты, ковырялка старая, — ответила ей Анфиса.

Кошкина схватила Анфису за воротник куртки.

— Я тебе покажу!

Однако Игорь быстро освободил Анфису и встал между ней и рассерженной лесбиянкой.

— Марина Сергеевна, если вы сейчас не уйдете, я расскажу все не

только Владимиру Моисеевичу, но и районному прокурору. У меня есть данные о том, как вы совращаете девочек. В том числе несовершеннолетних.

Марина позеленела. Она представить себе не могла, что ее ориентация известна всему городу.

— Давайте сделаем так, — предложил Игорь. — Я обещаю забыть о ваших предпочтениях, а вы в ответ на это забудете путь к моему... к нашему с Анфисой дому. Договорились?

Кошкина молчала.

— Ну вот, я уже все забыл... Сейчас не время говорить об этом, но через несколько дней я зайду к вам в редакцию. У меня будет к вам одно предложение. Хорошо?

Кошкина повернулась и решительными шагами отставного военного пошла по направлению к улице.

10

Игорь сдержал свое слово. Выждав несколько дней, чтобы гнев и обида Кошкиной несколько поиссаякли, появился в отделе культуры со своим предложением.

— В принципе, я не против, — пробасила Кошкина, кашляя и сжимая в пальцах папиросу «Беломор». — Но я не знаю, как к этому отнесется Владимир Моисеевич.

Фельдштейну было по барабану. Главное для него было, чтобы не пострадали рекламные полосы. Когда он узнал, что подборки поэтов будут всего лишь раз месяц, он дал добро на публикации.

— Вы там помещайте больше всякой эротики, — посоветовал он Игорю. — У поэтов же полно всего такого. Любовь-морковь, одним словом. Главное, чтобы газету раскупали. Дело идет к тому, что мы окажемся на полном самофинансировании.

В выходные дни Игорь с Анфисой направлялись к университету. Игорь брал с собой папку с картоном и коробочку с карандашами и пастелью. Анфиса бегала возле длинного дома, в котором совсем недавно ей снимал квартиру Отбойный Молоток, и кричала:

— Портреты, портреты! Профессиональный художник рисует портреты!

Зарботки Игоря были небольшими. Жила теперь Анфиса куда скромнее, чем с Отбойным Молотком. Но что-то изменилось в ее сознании. Она перестала мечтать о Каменных Стенах. Мыться ходила в душ вместе с Игорем. Для того, чтобы вымыть посуду, кипятила воду в большой кастрюле.

Но мы уже здесь писали, что счастье, как известно, никогда не бывает полным. Почему после второй или третьей встречи с аморфным и вялым Самойловым внутри Анфисы зародился Митяйчик? Она тогда совсем не хотела иметь ребенка. А теперь, когда это желание стало так велико, у нее ничего не получалось. Может быть, она заболела чем-то? Или причина заключается в здоровье Игоря? Анфиса решила подождать годик, и если ничего так и не получится, пойти ко врачу.

Королев продолжал писать стихи, но нигде их не публиковал и не читал их даже Анфисе. С тех пор как в журналах перестали платить гонорары, публикации потеряли всякий смысл.

Новый год они встречали вдвоем. Это был, пожалуй, самый счастли-

Выйди праздник в жизни Анфисы. Игорь купил елку на Митном рынке, и она сразу же заполнила квартиру умопомрачительным лесным запахом. Они вместе вешали на елку старинные бабушкины игрушки, сделанные еще в двадцатых годах — каких-то жутких ватных клоунов в трико с разноцветными штанинами, акробатов в смешных шапочках, куколок в платьях с воланами, тяжелые грибы и еловые шишки из папье-маше. На верхушку елки установили потрескавшуюся от времени стеклянную рубиновую звезду, обрамленную золотыми бусинками. Правда, печальное отсутствие бусинок в некоторых местах отчетливо подчеркивала поржавевшая тонкая проволока, но это уже были мелочи, на которые молодые люди совсем не обращали внимания.

Около двенадцати часов, по традиции, включили старенький телевизор. Ждали традиционное обращение главы государства. Анфиса никогда не слушала, что говорили эти старики в костюмах и галстуках. Она просто знала, что в эти минуты обязательно нужно сидеть у включенного телевизора и загадывать желание.

Однако в этот год произошло невиданное. Случилось то, чего никогда раньше не было, во всяком случае со времени появления Анфисы на свет Божий точно не было никогда. С 1993 годом никто российский народ не поздравлял! Президент как будто растворился в бесхозном дрожащем зимнем воздухе, как будто его никогда и не было, а на экранах застыла Спасская башня Кремля. Это было необычно и немного жутковато.

Анфиса посмотрела на часы. Они показывали ровно двенадцать. Нужно было срочно съесть счастливый автобусный билет. Но почему молчат часы? Что произошло, что?

Часы на Спасской башне так неожиданно издали звук, что Анфиса даже испугалась. Засунула в рот билет, разжевала его, но вдруг поперхнулась им и чихнула. Кусочки жеваной бумаги попали в нос.

В этот миг она загадала желание — остаться с Игорем навсегда.

Анфиса не слишком задавалась вопросом, откуда Игорь берет деньги. Жили они довольно скромно, как и все в начале девяностых. Но ведь Игорь нигде не работал, если не считать рисование портретов по выходным.

Это нежелание работать не было следствием лени. Игорь не был гедонистом. Он не пил, не курил, рано вставал и рано ложился спать, зимой часто катался на лыжах. Правда, иногда уходил куда-то, держа в руке большую темно-синюю спортивную сумку с надписью «Динамо».

Уходил ненадолго, на два-три часа, не больше. Анфиса понимала, что у него есть какой-то источник дохода, только не понимала, какой.

Правда оказалась весьма печальной. Игорь рассказал Анфисе о своем дедушке, полковнике медицинской службы, возглавлявшем после войны патологоанатомическое отделение крупного госпиталя Восточной Германии. Дедушке удалось в конце сороковых годов вывезти из Дрездена много дорогих изделий из саксонского и мейсенского фарфора. Именно фарфоровые статуэтки и чашки с тарелками возил он периодически знакомому антиквару. Антиквар обманывал, конечно, но все же не в такой степени, как других клиентов, — в память о дедушке Игоря, который был старинным другом семьи антиквара. Анфиса не знала, сколько стоит саксонский фарфор и сколько времени можно существовать на его продажу. Она вообще не лезла в те дела, которые считала исключительно мужскими.

Летом молодые люди, по предложению Игоря, поехали в Одессу. Там

жили друзья его покойного отца, интеллигентные пожилые бездетные супруги, преподаватели местного педагогического института.

Анфиса впервые в жизни увидела море, и оно потрясло ее своим великолепием. Часами валялись они с Игорем на пляже в Аркадии и Лонжероне. Вечерами бродили по бульварам. Посетили почти все музеи, слушали оперу «Паяцы» в местном театре. Анфиса удивлялась тому, как интересен и многообразен мир, и была благодарна Игорю за то, что он подарил ей этот фантастический, проросший платанами и акациями город — русский, еврейский и греческий одновременно, где и говорят, и смеются, и даже плачут как-то особенно, совсем не так, как в остальной России.

Только мысли о Митяе не давали покоя Анфисе. Игорь говорил, что Самойлов обязательно объявится, что как бы ни была велика Москва, существует же милиция. Найдется мальчик, куда он денется!

В конце августа они вернулись домой.

С наступлением осени Игорь как-то помрачнел. Он признался Анфисе, что во время путешествия в Одессу сумел отвлечься от своих проблем, временно отодвинув их от себя. Положил, как он выразился, в «долгий ящик». А сейчас они вновь предстали перед ним со всей неотвратимостью. Беда заключалась в том, что Игорь не имел возможности зарабатывать себе на жизнь ни как художник, ни как поэт. Осенью девяносто третьего года население России настолько обеднело, что даже пастельные портреты на картоне не каждому были по карману. Начались дожди, и уже две недели как Игорь с Анфисой не ходили к ограде университета.

Анфиса не понимала суть трагических событий, происходящих в стране, но ощущала, насколько трепетно реагирует на них Игорь. Понимала она и то, что счастье ее держится на тонком волоске. Что она должна сделать, что предпринять, чтобы все это не обрушилось, как картонный домик?

Мир мужчин всегда был непонятен ей. Этот мир был сложен и противоречив, и не только мужчины входили в него. Например, Марина Сергеевна Кошкина явно принадлежала к миру мужчин. И покойная свекровь, Изольда Яковлевна, тоже. Зато некоторые мужчины, такие, например, как Асомиддин — сильный, уверенный в себе, молодой, — в него не входили. А вот слабый и вялый, бесхребетный Димочка Самойлов точно входил. Анфиса чувствовала всеми фибрами души, что этот жестокий, бесчеловечный мужской мир скоро погубит Игоря и ее счастье.

— Ты даже не можешь представить, что произошло, — сказал ей однажды Игорь, смотря в рябой экран старенького бабушкиного телевизора. — Наш президент запретил свой парламент. Такое произошло впервые в истории России.

— Ну и что? — спросила Анфиса. — Я не понимаю, как это отразится на нашей жизни.

— А вот мне кажется, что очень даже отразится. Потому что это конец. Для всех нас конец. Для нашей страны точно. А может, и для всего мира.

Анфиса не хотела говорить с Игорем на эту тему, но чувствовала, что ему сейчас необходим собеседник.

Вечером пошли к Михайлову. Все та же печка-буржуйка. Старые газеты, журналы, дрова и картонные коробки в углу. Михайлов, судя по всему, не разделял мнение Игоря.

— Мне кажется, что это роман без положительного героя, — сказал

он, разжигая старую газету. — Почему ты считаешь, что те люди, которых запретили, лучше тех, кто запретил? Они ведь тоже поначалу запретили его. Как это, импичмент президенту...

— Но ведь они действовали по закону, по конституции, — возразил Игорь. — У них есть право объявить президенту недоверие, записанное в конституции. Конституционный суд поддержал Верховный Совет.

— Да брось ты, Игорь, — кривился Михайлов. — Ты рассуждаешь как первоклассник. Что такое Конституционный суд? Какие там законы, в этой Конституции? Все они придуманы люди. Не открыты людьми, как законы физики, химии и биологии, а придуманы, понимаешь? Высосаны из пальца. Законы физики, например, везде одни — и на Луне, и на Марсе. А юридические законы? Ведь это же полный бред! Помнишь поэта Пафнютьева? Ему дали три года за то, что он продавал книжки, купленные в магазине. Посадили за спекуляцию. А теперь спекулянтов поддерживают на государственном уровне! Как же можно уважать человечество после этого?

Михайлов замолчал, поправил кочергой полешки в буржуйке и продолжил:

— Там, в Верховном Совете, собрались такие же карьеристы, как и в правительстве. Пусть все эти волки грызут друг друга. Нам-то что?

— Я согласен, Саша, что положительных героев в этом романе нет. Их вообще никогда не было в русских романах. Гоголь попытался вывести таких во втором томе «Мертвых душ», но не получилось. Сжег рукопись Николай Васильевич. Но я думаю о себе и об Анфисе. Я не патриот. Я такой вот маленький человек, мещанин. Самсон Вырин, станционный смотритель. Мне страшно жить в этой стране, Саша. Я еще не старик, но мне просто не на что жить. Как, впрочем, и тебе. Мне кажется, что мы сильно проиграем, если Верховный Совет снесут с лица земли. Мы тогда никогда уже не сможем зарабатывать на жизнь своим трудом. Я два года жил на гонорар с книги, вышедшей в Москве в издательстве «Современник». Теперь, чтобы как-то продержаться, я вынужден продавать дедушкин фарфор. Они и так уже загнали нас в подвалы. Тебе вот нравится сидеть возле этой печки?

— А какая у меня есть альтернатива этому подвалу? — рассердился Михайлов. — Что ты мне можешь предложить? Взять в руки автомат и стрелять в буржуев? Не буду. У меня и автомата нет. Я ведь и в армии не служил. Только сборы проходил на военной кафедре. Так что из автомата стрелял только два раза в жизни и один раз — из пистолета Макарова. А если ты поедешь защищать этот последний оплот советской власти, тебя же первого и расстреляют наши демократические и либеральные власти. Завернут в целлофан и закопают где-нибудь втихаря за кольцевой дорогой. И никто о тебе никогда не вспомнит. Никто, кроме Анфисы. Да и она повспоминает месяц-другой и выскочит замуж за какого-нибудь пошляка Радаева. Или Фельдштейна.

Внутри Анфисы все содрогнулось. Никто не давал права этому грязному доходяге говорить о том, как она поведет себя после смерти Игоря. Она вдруг вспомнила, как в Семеновском районе, в библиотеке, будучи молодой и пьяной, приставала к этому лоху, а он даже не обратил на нее внимание! Да он просто импотент, ненавидящий всех людей! Ей казалось, что Королев должен как-то проявить себя, дать по морде Михайлову хотя бы. Но Игорь молчал.

— Ты не хочешь, чтобы наступала зима? — продолжал Михайлов. —

Но она придет и так, без твоего согласия на это. История — не случайный набор фактов. У каждого события — свои причины и предпосылки. Хорошей или нет была советская власть, сейчас говорить не имеет смысла. Ее не вернешь. Зачем нам абстрактные разговоры? Давай на грешную землю с облаков вернемся. Я тебе могу вот что предложить — кончится фарфор, устраивайся сюда сторожем. Сутки через три. Мой напарник записал, в наркологический диспансер жена определила. Конечно, стихи писать интереснее. Но прошло время стихов.

— Мне кажется, весь мир пострадает, если не станет России, — тихо проговорил Игорь.

— Почему не станет? — возразил Михайлов. — Никуда она не денется. Просто обретет другое качество. Даже если мы станем каким-нибудь штатом США, нам не запретят говорить по-русски. Более того... Дело идет к тому, что они даже стихи тебе издавать позволят... За свой счет!

— Я не знаю, Саша, что произошло с тобой, — ответил Игорь. Он изо всех сил старался говорить спокойно, но голос у него дрожал. — Ты же был нормальным парнем. Не пил, не курил. Писал стихи, прозу. Встречался с девушками. Тебя все называли «советским мальчиком». Это меня буржуем величали, меня мордовали за кожаный пиджак! А ты всегда в каких-то старых кофтах ходил. Тебе плевать на пиджаки было, на весь этот западный прикид. А теперь на поверку оказалось, что я — более советский, чем ты.

— Именно так. Мне и тогда на пиджаки плевать было, и сейчас. Поэтому и сижу в подвале. Но стрелять не буду. Даже в буржуев.

Игорь неожиданно встал и, накинув пальто, бросился к двери. За ним кинулась Анфиса.

Выйдя на улицу, он зачем-то побежал на противоположную сторону улицы. Возможно, хотел купить что-то в продуктовом ларьке, стоявшем возле трамвайной остановки. Пустой и темный трамвай перегородил проезжую часть. Жизнь в городе едва теплилась, и в этот вечер все трамваи встали из-за аварии в электросетях. Игорь обходил трамвай спереди, и внезапно из-за него на большой скорости вылетела черная иномарка. Водитель ее потом говорил на суде, что не притормозил на остановке из-за того, что в темное время суток трамвай не был освещен, а, следовательно, не могло быть пассажиров как внутри его, так и на остановке. Он был прав в своих рассуждениях, пассажиров не было — они давно разошлись из-за отсутствия электричества. Но водитель иномарки не ожидал, что кто-то будет обходить трамвай спереди, не убедившись, как говорят гаишники, «в безопасности маневра». А до пешеходного перехода со светом было еще сто метров...

Все остальное Анфиса вспоминала как страшный сон. Похороны организовала мать Игоря, живущая где-то на окраине Сормова со вторым мужем. Закон парных случаев заключался не только в том, что ее звали Ирина Яковлевна, а в том, что она и внешне, да и по характеру удивительно напоминала покойную Изольду Яковлевну, мать Димочки. Она разрешила Анфисе пожить на Студеной еще две недели, пока не найдет хороших квартирантов. Но Анфиса этим разрешением не воспользовалась. Ей в этом городе теперь делать было нечего. Все здесь было связано с памятью Игоря.

Она вернулась в Пойму. На пороге ее встретил постаревший отец.

— Умбабал бабамент! — прежде всего сказал он, увидев приехавшую дочь.

— Ну да, наш президент расстрелял собственный парламент, — перевела мама.

От этих слов у Анфисы закружилась голова, и черные круги поплыли перед глазами. Очень уж эти слова напомнили последний день в жизни Игоря. Все, теперь уже никогда она туда не вернется!

Вернуться, однако, пришлось, и целых два раза. Но эти два приезда уже не сыграли никакой роли в жизни Анфисы. В принципе, старой Анфисы Чистяковой уже и не было — вместо нее существовало какое-то новое, непонятное самой Анфисе существо.

Ее дважды вызывали в районный суд в качестве свидетеля. Водитель иномарки оказался нормальным, адекватным мужчиной среднего возраста. По всей видимости, он действительно сильно переживал, что волею судеб стал виновником смерти молодого человека. Конечно, Игорь переходил дорогу в непредусмотренном месте, но и водитель явно превышал скоростной режим движения по городу — иначе Королев не отлетел бы на пять метров вперед. Его погубил удар головой о бетонный поребрик тротуара. Согласно протоколу вскрытия, все остальные травмы, связанные непосредственно со столкновением, были вполне совместимы с жизнью.

Анфиса сама не понимала, зачем ее вызывали, и даже дважды. Экспертиза показала, что в крови Игоря не было ни алкоголя, ни наркотических веществ. А о том, в каком состоянии он выбежал из церкви, Ирина Яковлевна настойчиво запретила ей говорить. Ее оскорбляло, что и для суда, и для матери она была ничто и никто, пустое место. Случайный человек, оказавшийся в этот момент рядом с ее сыном. Именно тогда она ощутила как никогда, насколько их судьбы похожи — мать Игоря не любила своего сына подобно тому, как Чистяковы не любили свою дочь.

Водитель черной иномарки всячески пытался договориться с матерью Игоря и добился своего. На втором заседании суда стороны заключили мировое соглашение.

— А зачем мне его сажать? — цинично ответила мать на вопрос Анфисы. — У него жена, двое детей, пожилые родители. Он и знать не мог, что Игорь из-за трамвая выбежит. Не знаю, что там между вами произошло, раз он побегал от тебя как угорелый. И с такой вот скоростью.

Здание суда располагалось как раз напротив той самой церкви Вознесения Господня, где произошел разговор с Михайловым, только на другой стороне оврага. На заседания Анфисе пришлось ездить на трамвае, и выходить из него на той самой остановке, где погиб Игорь.

Вернувшись после второго и последнего заседания в Пойму, Анфиса вдруг обнаружила, что в течение месяца так и не разобрала свою дорожную сумку. На дне ее она с удивлением обнаружила деревянную лакированную шкатулочку с надписью «Павлово», в которой лежало три счастливых автобусных билета.

Анфиса смяла билеты и выбросила их в мусорное ведро.

А вскоре к ней в гости заявила Ирка Котляревская. Оказалось, что бабушка ее, Калерия Петровна, умерла, и в квартиру вселился Иркин дядя со своим большим семейством. Так что она тоже возвратилась в Пойму.

С тех пор Анфиса уже никогда не загадывала желаний на Новый год.